

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 8 2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.
Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

СТАТЬЯ НОМЕРА

Плигин В.Н. Государство и право:
условия формирования легитимности..... 3

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Васильева О.Н., Надточий Ю.Б. Современные
формы проведения занятий, приемы и методы
обучения, используемые в преподавании
правовых дисциплин в высшей школе 10

Воробьева И.Б. Практика использования
квестов при обучении криминалистическим
дисциплинам..... 15

Казачкова З.М., Казачков В.А. Юридическое
образование в условиях цифровой экономики:
новые проблемы и нетрадиционные решения ... 19

ДИСКУССИОННАЯ АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ТРИБУНА

Антонян Е.А., Милованова М.М. Опыт борьбы
с молодежным экстремизмом 23

Россинский С.Б. Досудебное производство
по уголовному делу: свежий взгляд на старые
проблемы..... 28

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Самсонова М.В., Черных И.И. Удаленное
участие в заседаниях суда по гражданским
делам: первые итоги и перспективы 36

Перевод аннотаций..... 45

Требования к авторам журнала «Юридическое
образование и наука» по оформлению
научных статей..... 48

ARTICLE OF THE ISSUE

Pligin V.N. State and Law: Legitimacy
Establishment Conditions 3

ISSUES OF LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

Vasilyeva O.N., Nadtochiy Yu.B. Modern
Lesson Conducting Forms, Learning
Techniques and Methods Applied to Legal
Discipline Teaching in a Higher School..... 10

Vorobyeva I.B. The Quest Use Practice
in Criminalistic Discipline Teaching 15

Kazachkova Z.M., Kazachkov V.A. Legal
Education in the Digital Economy Conditions:
New Issues and Non-Standard Solutions..... 19

ANTI-CRIME DISCUSSION TRIBUNE

Antonyan E.A., Milovanova M.M.
The Youth Extremism Combating Experience ... 23

Rossinskiy S.B. Pre-Trial Proceedings
in a Criminal Case: A Fresh View of Old Issues..... 28

LEGAL RESEARCH DISCUSSION TRIBUNE

Samsonova M.V. Chernykh I.I. Remote
Participation in Court Hearings on Civil Cases:
First Results and Prospects 36

Translation of annotations..... 45

Requirements for the authors of the Legal
Education and Science journal for formatting
of scientific articles 48

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Центр редакционной подписки:
Тел./факс: (495) 617-18-88.

Адрес редакции / издателя:
115035, Москва,
Космодамианская наб., д. 26/55,
стр. 7.
Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая
группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0.
Общий тираж 2000 экз.

Полная или частичная
перепечатка материалов
без письменного разрешения
редакции преследуется по закону.

Подписка по России:
Объединенный каталог
«Пресса России» — 91852.
ISSN 1813-1190

Подписано в печать 14.07.2020.
Номер вышел в свет 22.07.2020.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Editorial Subscription Centre:
Tel./fax: (495) 617-18-88.

Address publishers / editors:
Bldg. 7, 26/55,
Kosmodamiyanskyaya Emb.,
Moscow, 115035.
Tel./fax: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Printed by National Polygraphic
Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya,
Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Size 60x90/8. Offset printing.
Printer's sheet 6,0.
Conventional printing sheet 6,0.
Circulation 2000 copies.

Complete or partial reproduction
of materials without written permission of
the editorial office shall be prosecuted in
accordance with law.

Subscription in Russia:
Unified Catalogue. Russian Press —
91852.
ISSN 1813-1190

Signed for printing 14.07.2020.
Issue was published 22.07.2020.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 8
2020

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.
Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор,
Белов С.А., кандидат юридических наук, доцент,
Блажеев В.В., кандидат юридических наук, профессор,
Бублик В.А., доктор юридических наук, профессор,
Голыченко А.К., член-корреспондент РАО, доктор
юридических наук, профессор,
Перевалов В.Д., доктор юридических наук, профессор,
Калиниченко И.А., кандидат педагогических наук,
профессор,
Капустин А.Я., доктор юридических наук, профессор,
Кропачев Н.М., доктор юридических наук, профессор,
Курилов В.И., доктор юридических наук, профессор,
Лаптев В.В., доктор педагогических наук, кандидат
физико-математических наук, академик РАО, профессор,
Писарева С.А., доктор педагогических наук,
член-корреспондент РАО, профессор,
Суровов С.Б., доктор социологических наук, профессор,
Тряпицына А.П., доктор педагогических наук, профессор,
Шевелева Н.А., доктор юридических наук, профессор,
Шишко И.В., доктор юридических наук, профессор

Главные редакторы журнала:

Антонян Е.А., доктор юридических наук, профессор,
Цареградская Ю.К., доктор юридических наук, доцент

Почетный научный редактор журнала:

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала:

Шенгелия Г.А., кандидат юридических наук

Рецензенты журнала:

Антонян Е.А., Баранов В.М., Барков А.В., Дикарев И.С.,
Дробышевский С.А., Ильин А.В., Кабанова И.Е.,
Лаптев В.В., Мацкевич И.М., Нарутто С.В., Петров М.П.,
Писарева С.А., Россинский С.Б., Салыгин Е.Н.,
Смирнов Д.А., Субботин В.Н., Тряпицына А.П.,
Цареградская Ю.К., Шевелева Н.А., Шенгелия Г.А.,
Шишко И.В., Шугрина Е.С., Щепельков В.Ф.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., член-корреспондент РАО, заслуженный
юрист РФ, доктор юридических наук, профессор

Заместители главного редактора

ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н., Платонова О.Ф.,
Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Журнал рекомендуется Высшей аттестационной
комиссией при Министерстве науки и высшего
образования Российской Федерации для публикаций
основных результатов диссертаций на соискание ученых
степеней кандидата и доктора наук.

Founder: Jurist Publishing Group

Editorial Board:

Baranov V.M., LL.D., professor,
Belov S.A., PhD (Law), associate professor,
Blazheev V.V., PhD (Law), professor,
Bublik V.A., LL.D., professor,
Golichenkov A.K., corresponding member of the RAE,
LL.D., professor,
Perevalov V.D., LL.D., professor,
Kalinichenko I.A., PhD in Pedagogy, professor,
Kapustin A.Ya., LL.D., professor,
Kropachev N.M., LL.D., professor,
Kurilov V.I., LL.D., professor,
Laptev V.V., Doctor of Pedagogy, PhD in Physico-
Mathematical Sciences, RAE Academician, professor,
Pisareva S.A., Doctor of Pedagogy, corresponding member
of the RAE, professor,
Surovov S.B., Doctor of Sociology, professor,
Sheveleva N.A., LL.D., professor,
Shishko I.V., LL.D., professor,
Tryapitsyna A.P., Doctor of Pedagogy, professor

Editors in Chief:

Antonyan E.A., LL.D., professor,
Tsaregradskaya Yu.K., LL.D., associate professor

Honorary Scientific Editor of the Journal:

Matskevich I.M., LL.D., professor

Executive Editor of the Journal:

Shengelia G.A., PhD in Law

Reviewers of the Journal:

Antonyan E.A., Baranov V.M., Barkov A.V., Dikarev I.S.,
Drobyshevsky S.A., Ilyin A.V., Kabanova I.E.,
Laptev V.V., Matskevich I.M., Narutto S.V., Petrov M.P.,
Pisareva S.A., Rossinskiy S.B., Salygin E.N., Smirnov D.A.,
Subbotin V.N., Tryapitsyna A.P., Tsaregradskaya Yu.K.,
Sheveleva N.A., Shengelia G.A., Shishko I.V.,
Shugrina E.S., Shchepelkov V.F.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., corresponding member of the RAE, Honored
Lawyer of the RF, LL.D., professor

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N.,
Platonova O.F., Truntsevskiy Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Recommended by the Higher Attestation
Commission under the Ministry of Science
and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of doctoral
and PhD theses.

Государство и право: условия формирования легитимности

Плигин Владимир Николаевич,

Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),

кандидат юридических наук

theory-of-law@igpran.ru

Цель данной работы состоит в изучении формирования легитимности государства и права как системообразующих для функционирования социума. **Методология:** диалектика, анализ, синтез, дедукция, философская концептология. **Выводы.** Формирование легитимных государств и права характеризуется исключительной сложностью, ошибки в оценке содержания и поддержания основных принципов могут привести к распаду государственного образования. **Практическая и теоретическая значимость.** Практическая значимость состоит в том, что результаты могут быть использованы не только в дальнейших исследованиях данной темы, но и в конкретных практических инициативах, направленных на улучшение процедур и практик, которые влияют на укрепление легитимности государства и права.

Ключевые слова: государственная власть, легитимность, президент, государство, нормативность.

Сущностной характеристикой, определяющей цель существования государства и права, является необходимость регулирования социальных процессов таким образом, чтобы обеспечить возможно наиболее благоприятные условия для их устойчивости, стабильности и прогнозируемого развития. Отсюда вытекает одна из центральнообразующих позиций реализации данной функции: требуемый порядок может быть гарантирован только тогда, когда мы имеем дело с легитимными государством и правом. При этом условия легитимности сами по себе нуждаются в отдельном понимании и анализе для того, чтобы максимально быть реализованными в социальной практике. Издержки, которые иногда допускаются властными институтами, опирающимися скорее только на позицию силы для достижения представляемого им порядка, даже если этот порядок полностью соответствует нормам действующего законодательства, могут оказаться крайне непродуктивными и привести к революционным изменениям.

Легитимный порядок, обеспечиваемый государством, базирующийся и/или совпадающий с порядком легальным, существенным образом меняет характер управления государством, так как предполагает согласие (возможно деятельное) с предлагаемыми решениями, а значит, в свою очередь не требует существенных материальных затрат на свое поддержание. Легитимная легальность — наиболее ожидаемое состояние социального механизма.

Таким образом, содержательное понимание легитимности, процессов легитимации, соотношения ее с легальностью и легитимной легальностью и государства в целом приобретает принципиальное значение.

Следует отметить, что российские наука и практика в постсоветский период стали уделять этим явлениям существенное внимание¹.

¹ См., например: Легитимность права : коллективная монография / под общ. ред. Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. СПб. :

Основы понимания легитимности были заложены М. Вебером в начале XX в., который определял легитимность как веру в легитимность, а отношения, связанные с реализацией власти, как легитимные, если лицо, власть осуществляющее, и лицо (лица), на которое распространяется властное воздействие, верят в существующий порядок и соглашаются с ним². В условиях больших социальных общностей согласие предполагается со стороны большей части общества.

Выполняя роль отправной точки, концепция М. Вебера нашла продуктивное развитие и дополнение в целом ряде исследований, знание которых исключительно важно для получения наиболее полного представления о средствах создания и сохранения легального порядка.

В этой связи, в частности, представляет интерес позиция Д. Битема, который обращал внимание на то, что «Макс Вебер справедливо считается одним из «отцов-основателей» социологии двадцатого века <...>».

Однако, что касается легитимности, необходимо сказать, что его влияние явилось безусловной катастрофой. Отправная точка этой катастрофы лежит в его определении легитимности. <...> Итак, он пишет, что легитимность эквивалентна 'Legitimitatsglaube' (вере в законность); и законная власть — это власть 'als legitim angesehen' (которая считается легитимной)³.

Вера и согласие с действиями государства и значимостью права несомненно остаются важнейшими показателями легитимности, которые, однако,

Алетейя, 2019; Плигин В.Н. Доклад «Легитимность государственной власти и право» // ИГП РАН. 2017. URL: <http://www.igpran.ru/newsall/4278/> (дата обращения: 11.05.2020).

² Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. Т. 1. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

³ Beetham, David. Legitimation of Power. Humanities Press International, 1991. P. 8.

сложно поддаются измерению и в основном при работе над конкретными нормами учитываются исходя из общего представления законодателя, которое, в свою очередь, формируется за счет личного опыта и взаимодействия с возможно широким профессиональным сообществом.

Часто социальный процесс опережает предположительное изменение регулирования, согласие как видимая (или условно видимая) характеристика легитимности исчезает. Государство и законодательство по своей природе остаются более консервативными. «Двигателем» нового подхода может стать значимый вызов, который выполняет роль своеобразного «барометра», отсутствие реагирования на него (на вызов) способно изменить систему в целом. Это обстоятельство во многом обусловлено самой природой власти, которая, как верно замечает К.В. Арановский, «образует предмет притязаний, полномочий, обязанностей, запретов, составляющих содержание государственно-правовых отношений»⁴.

Однако понимание легитимности только через восприятие с точки зрения практической значимости недостаточно продуктивно. Важен точный анализ природы легитимности, то есть для того чтобы предложить способ «отделить» взгляды людей на легитимность от оснований или причин их (этих взглядов) придерживаться. Взгляды «основываются именно на фактических характеристиках режима, таких как соответствие режима их требованиям, его способности удовлетворять их интересы и так далее. ...Различные основания для веры людей в легитимность в его анализе рационально-правовых, традиционных и привлекательных принципов власти. ...Фактическая несостоятельность и процессы упадка того или иного режима способны если не предсказать, то хотя бы адекватно объяснить уменьшение веры в его легитимность»⁵. Есть и мнение, высказанное российскими учеными А.М. Дроздовой и С.М. Комаровым, что современная ситуация не позволяет определить типичные (классические) и нетипичные (смешанные) основания легитимации, процесс которой не имеет четкой структуры⁶.

Вместе с тем, возвращаясь к мысли Д. Битема, «взаимоотношения данной власти легитимны не потому, что люди верят в ее легитимность, а потому, что их можно оправдать с точки зрения человеческих убеждений. Это различие может показаться тонким, но оно является фундаментальным»⁷.

⁴ Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 144.

⁵ Beetham, D. Ibid. P. 12.

⁶ Привод. по: Иванова С.И. Теория политико-правовой легитимации государственной власти М. Вебера: особенности исследования классических форм // Материалы XX Всероссийской научной конференции «Модернизация российского общества: стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров». Таганрог, 2019. С. 330.

⁷ Beetham, D. Ibid. P. 12.

В этом контексте уместно упомянуть взгляды К.В. Арановского, указывающего на важность учета в анализе политико-правовых явлений такой составляющей, как психоэмоциональные реакции и образы в мышлении, присущие общности граждан того или иного государства, в том числе могущие выражаться, как представляется, в форме ожиданий от действий власти. «Содержание представлений, вовлеченных в право, — отмечает К.В. Арановский, — не исчерпывает качества, присвоенные им законодательством или мнением юристов. Правовые представления зависят от воображения, а не только от формальных обозначений, которые способны на воображение влиять, но не замещают его»⁸.

Для принятия решения об учете ожиданий часто важен не конкретный уровень ожиданий в отношении конкретной нормы, а, скорее, общее ожидание от всей системы нормативного материала как отвечающей некоторым принципам, в частности справедливости. Если в конкретных исторических условиях совокупность ожиданий является благоприятной для системы управления, некоторые издержки конкретных правовых решений, становясь предметом критики, могут быть восприняты не настолько негативно, для того чтобы вызвать процессы дестабилизации государства в целом.

Традиционным заблуждением является использование внешнего ценностного ряда для построения иностранной государственной системы, например, продвижение условно понимаемой как демократической модели в условиях традиционных обществ Ближнего Востока.

Соглашаясь с необходимостью замены ряда режимов, большинство национальных экспертов данных стран и стран, находящихся в ближайшем окружении, в ходе обсуждений с автором настоящей статьи при разработке возможных новых конституционных решений рекомендовали самым тщательным образом учитывать исторический опыт лидерства, который сложился в регионе. Однако код легитимности, который был религиозно, нравственно, исторически обусловлен и представлен в государственных моделях, нарушен. Государство приобрело характер слабого, внутреннего его потенциала для восстановления не хватало. Внешнее предложение создавало оболочку государственных институтов, когда использовалась принятая в мировой практике модель, которая, однако, не несла конструктивного наполнения, не создавала условий для управляемости социальными процессами.

«Существует юридическая обоснованность получения и осуществления власти; существует обоснованность правил, регулирующих отношения власти с точки зрения верований и ценностей, принятых в данном обществе; существует доказательство согласия, полученное в результате действий, выражающих его. Данные факторы — это то, что по-

⁸ Арановский К.В. Указ. соч. С. 495.

следовательно и кумулятивно делает власть легитимной. В той степени, в какой эти факторы представлены, власть будет законной; в той же степени, если они отсутствуют, этого не будет»⁹.

В этой связи несомненный интерес представляет формирование современного российского парламентаризма как модели решения вопросов управления в соответствии с действующей Конституцией России, однако прежде всего как одной из ветвей государственной власти, центральной функцией которой является законотворчество, понимание и принятие легитимности которого имеет основополагающее влияние для сохранения единства общества.

«Парламентаризм в России сформировался и развивался в неблагоприятных условиях. Сам факт создания парламентских органов представлял собой попытку предотвратить неконтролируемое течение политических процессов, не допустить революционные события. Подобная “вынужденность” характерна и для иных государств. Однако в таких государствах парламентаризм имеет многовековую историю, которая нивелирует первоначальные условия зарождения парламентаризма, особенностью же отечественной истории является отсутствие продолжительных периодов “спокойного времени”. Поэтому данный институт появляется с большим опозданием и оказывается неспособным оказать влияние на политические процессы»¹⁰.

В начале XX в. представительная власть в России создавалась исключительно в ослабленной **протопарламентской** форме.

«Октябрьская революция и последовавшая за ней кардинальная ломка всего государственного устройства (включая роспуск Учредительного собрания) выдвинули новый тип народного представительства — Советы, провозглашенные полновластными и единовластными органами народного представительства. Политическая доктрина того периода признает разделение функций управления, но **отрицает разделение властей**. На деле же Советы занимали подчиненное положение, уступив **приоритет органам партийно-политического руководства** обществом и государством»¹¹.

Комментируя построение новой общественно-государственной модели большевиками, в том числе и порядок избрания советов, который не отвечал подлинно демократическим принципам, Бертран Рассел отмечал, что «демократическая форма правления, возможно, имеет все приписываемые ей недостатки, но она имеет и одно великое достоинство: для большинства людей она представляет разум-

ную альтернативу гражданской войне как средству разрешения политических конфликтов»¹².

Парламентская форма легитимации власти, необходимость которой несомненно понимали представители управляющего слоя общества, осознававшие нарастание разрушительных явлений как в первом предреволюционном случае, так и во втором — предперестроечном, фактически не выполняла своей роли и наряду с другими факторами привела к кризисам (!) российской государственности, которые вызвали кардинальные революционные изменения общественного строя.

Возрождение парламентаризма в России/СССР в начале 90-х гг. XX в. произошло вновь в условиях **нарастающего кризиса** советской экономической и политической системы, послужившего стартом для эволюционных процессов.

Кратко останавливаясь на драматичном периоде истории, авторы отчета «Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации» отмечали явную неустойчивость созданной легальной конструкции **ситуации «двоевластия»**, когда, с одной стороны, сохранялся «полновластный» съезд народных депутатов, с другой — существовали президент, двухпалатный парламент, Конституционный, Верховный и Арбитражный суды. Естественно, двоевластие обострилось и разрушило хрупкий баланс легального порядка, который утратил свою легитимность¹³.

Противоречия, вызвавшие сомнения в легитимности именно парламента, стали причиной нарастания кризисных событий осенью 1993 г., в целях преодоления которых был проведен референдум и 12 декабря 1993 г. принята действующая Конституция Российской Федерации. Одним из ключевых моментов содержания основного закона является последовательная реализация принципа о разделении ветвей власти¹⁴. Вместе с тем внешние обстоятельства, при которых была принята Конституция, определили некоторые ее особенности. Так, следует отметить первенство власти Президента России, ограничение контрольных функций законодательных органов.

Последующие годы отмечены поисками оптимальной модели парламентаризма, при которой имелся бы эффективный механизм, исключающий кризис власти и самой государственности.

Поиск оптимальной формы легитимности осуществлялся посредством последовательных изменений законодательных норм, регулирующих особенности формирования Думы. В частности, менялись требования к кандидатам в депутаты, порядок голосования, механизм ответственности за допускаемые нарушения.

⁹ Beetham, D. Ibid. P. 12–13.

¹⁰ Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации / отв. ред. : А.А. Клишас, В.Н. Плигин. М., 2013. С. 10.

¹¹ Там же. С. 5.

¹² Рассел Б. Практика и теория большевизма / пер. с английского издания 1920 г. М., 1991. С. 76–93.

¹³ Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации / отв. ред. : А.А. Клишас, В.Н. Плигин. М., 2013. С. 6.

¹⁴ Там же. С. 5–14.

Особенностью функционирования российской парламентской модели является специфика восприятия ее в качестве законной власти. Власть должна действовать в соответствии с принципами, по которым она организована. Именно при соблюдении данных условий власть будет восприниматься в качестве законной¹⁵. Все действия парламента должны исходить из убеждения, что данный орган вправе принимать те или иные решения, определяя жизнь в стране. Соответственно, общество, которое несомненно имеет право на критику института, должно воспринимать парламент как орган, последовательно выполняющий установленные законом функции. Законодательные органы по своей сути созданы для формирования и выражения общего интереса.

Непосредственное выражение происходит с помощью политических участников, представленных в парламенте. При этом политическая система представляет собой совокупность норм права, основанных на конституции, имеющих целью легитимизацию всего механизма, по которому работает такая политическая система, в частности тех, кто реализует властные полномочия. Кроме того, целью является обеспечение законного устройства государственной власти. Легитимность самой системы и ее непосредственных участников оценивается по нескольким критериям. Это легитимность избрания власти, способность поддерживать режим законности и удовлетворять интересы общества¹⁶.

Практически в течение всего начала XXI в. происходили поиски оптимальной модели парламентаризма, при которой имелся бы эффективный механизм, исключающий кризис власти и самой государственности.

Легитимность парламента во многом зависит от легитимности партийной системы государства. Легитимность, как уже отмечалось, требует демонстрации общего интереса, который объединяет; в этой связи законодательные органы наиболее подходят для выработки этого общего интереса прежде всего через политических участников, в них представленных, чаще всего именно через политические партии, роль которых в политической системе менялась.

Конечно, в процессе легитимации важно учитывать достижение легитимности всех компонентов политической системы, которую можно определить как «совокупность конституционных норм, цель которых состоит не только в том, чтобы обеспечить определенное устройство государственной власти, но и в том, чтобы обеспечить легитимность этого механизма, а следовательно, и тех, кто осуществляет власть в соответствии с ним, на основе различных изложенных критериев; поддержание законности; законное избрание власти; удов-

¹⁵ Beetham, D. Ibid. P. 35.

¹⁶ Ibid. P. 161.

летворение общественного интереса в отношении признанных целей правительства: демонстрация согласия»¹⁷.

Как отмечает В.Д. Зорькин, доверие общества к власти, на котором базируется легитимность, и то доверие власти к обществу, на основе которого строится эффективная государственная политика, может быть только взаимным¹⁸. Выражение доверия может происходить через объективирование политических интересов и предпочтений граждан в политических партиях.

Применительно к новейшей истории Российской Федерации можно говорить о пяти этапах формирования партийной системы страны.

Первый этап начинается в 1993 г., после принятия новой Конституции Российской Федерации, обозначившей основные принципы функционирования политической системы.

Второй этап, 1995–1998 гг., характеризуется большим количеством партий (88) и объединений (200), однако в выборах приняли участие лишь 43 из них.

Такая ситуация была в определенной степени неизбежной, поскольку, как верно замечает председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «социально-государственный слом, происходящий в России после распада СССР, не мог не оказать кардинального влияния на формальные правовые и на неформальные традиционные механизмы доверия»¹⁹.

Вообще же, на первых свободных парламентских выборах в Российской Федерации число зарегистрированных партий исчислялось десятками, в дальнейшем их количество, естественно, сокращалось.

Третий этап — 1999–2001 гг. Появляются главная политическая сила и оппозиция, отношения которых характеризуются противостоянием на федеральном и региональном уровнях, в результате принимается Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»²⁰, что приводит к формированию более устойчивой политической конструкции, которая реально отражала разрозненность социальных предпочтений.

Четвертый этап: в 2004–2010 гг. происходит строительство общенациональных партий; Федеральный закон «О политических партиях» в действовавшей редакции предъявляет более жесткие требования к их созданию, что приводит к монопартийности.

Современный этап характеризуется представительной многопартийностью.

Определение легитимной модели парламента осуществлялось посредством последовательных изменений законодательных норм, регулирую-

¹⁷ Ibid. P. 161.

¹⁸ Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен : монография. М., 2013. С. 364.

¹⁹ Там же. С. 372.

²⁰ Федеральный закон от 11 января 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.

ющих особенности формирования Государственной Думы РФ.

В 2004 году Президентом России был инициирован проект Федерального закона № 118923-4 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», который был принят годом позднее и установил полностью пропорциональную систему избрания депутатов Государственной Думы посредством выдвижения федеральных списков кандидатов политическими партиями. Ранее выборы первых четырех созывов Государственной думы происходили по смешанной системе.

При этом важно отметить, что политические партии не представляли из себя самоцели в рамках данного законотворческого процесса, основная задача состояла в содействии построению гражданского общества в Российской Федерации, которое невозможно было бы создать без системы сильных политических партий.

Было бы заблуждением считать, что такой государственно-политический маневр был проявлением непоследовательности или обусловлен какими-то конъюнктурными целями. Еще Карл Поппер утверждал, что «...всеобщие выборы и представительное правление следует рассматривать не более чем испытанные и... достаточно эффективные институциональные гарантии против тирании, **всегда открытые для совершенства**»²¹.

Легитимность парламента является базовым условием легитимности законодательства, в свою очередь, она производна от легитимности условий формирования парламента, то есть легитимности выборов депутатов.

«В избирательном праве справедливо находят инструмент, способ узаконить, оформить власть. <...> Регулирование статуса политических партий определяет условия их доступа к власти или влияния на нее»²².

Сложнейшие политические процессы, протекавшие после выборов Государственной думы 5-го созыва, привели к необходимости новой модернизации избирательной системы.

За период **2013–2014 гг.** были приняты нормативные правовые акты, инициировавшие проведение системных изменений в действующих нормах избирательного законодательства не только на федеральном уровне, но и в отдельных случаях на уровне субъектов Российской Федерации, затронувшие в том числе установление дополнительных мер национальной безопасности в виде запрета кандидатам хранить денежные средства и иметь банковские счета за рубежом.

В 2014 году была принята новая редакция Федерального закона «О выборах депутатов Государ-

ственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», в результате чего во время выборов в 2016 г. формирование Государственной думы VI созыва, впервые с 2003 г., происходило по смешанной системе. Так, половина депутатов избиралась по партийным спискам, а другая половина — по одномандатным округам.

В силу исторических условий Россия должна оставаться страной с сильной президентской властью, что обуславливает необходимость особенно концентрироваться на легитимности именно этого института.

При этом все институты власти должны исходить из принципа, что чем «больше власть имущие апеллируют к закону как к самодостаточному оправданию их власти, тем больше они должны уважать его сами для того, чтобы поддержать свою легитимность.

Абсолютистская идея, что те, кто создает закон, стоят выше закона, исключена самой историей»²³.

Вместе с тем природа избираемых органов может быть понята и как совокупность выраженной психологической реакции избирателей, облеченной в вид результатов голосования. «...Избиратели выражают избранному доверие в осуществлении их желаний... Избиратели не передают ему никакой компетенции постановления решений, потому что сами таковой не обладают. <...> Они (избиратели) входят в парламент вместе с депутатом не для того, чтобы делегировать ему власть постановления решений, но чтобы подтвердить, что они будут с ним, когда он будет участвовать в обсуждении их желаний...»²⁴

Сам принимаемый парламентом закон, который на какой-то стадии может быть оценен как легитимный, также нуждается в легитимации. Обществу будет необходимо представить обоснование легитимности источника закона и принципа, на которых он принят. Указанное обоснование лежит за пределами системы «непосредственный источник права — закон — социум» и требует определения нечто внешнего, что воспринималось бы как достаточное для принятия его (закона) легитимности. В современном мире к этому относятся традиция, божественная воля, научная теория, народное волеизъявление или иное, — все это и есть тот первоисточник, который служит основой норм и правовой системы общества.

Анализируя источники легитимности, на которые в повседневной деятельности должен опираться парламент, следует отметить, что наиболее распространенным источником легитимности в современных обществах являются «люди». Во всех обществах определение народа как «нации» имеет как всесторонние, так и исключительные коннотации, которые получили важные предпосылки для

²¹ Цит. по: Кененова И.П., Троицкая А.А., Шустров Д.Г. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях : учебное пособие. М. : КРАСАНД, 2015. С. 114.

²² Арановский К.В. Указ. соч. С. 144.

²³ Beetham, D. Ibid. P. 67–68.

²⁴ Ориу М. Основы публичного права. М., 1929. С. 649–657.

формирования государственных границ и для различных видов гражданства внутри государств.

К числу наиболее глубоких социальных изменений относятся те, которые характеризуются сдвигом в системе верований, которые определяют источник легитимности для правил власти в обществе: от религиозного к светскому, от внешнего и универсалистского к внутреннему, от общества как прошлого к обществу людей в настоящем.

Однако все указанные процессы имеют возвратный характер. То, что представлялось достигнутым и прочным, часто возвращается к предыдущему состоянию. Так, например, «вопрос о том, нуждаются ли мораль и право в религиозном обосновании, от которого философия права, казалось бы, окончательно ушла после кантовской секуляризации морали (а соответственно, и права, поскольку в кантовской трактовке право имманентно связано с моралью), вновь рассматривается специалистами как “насущная экзистенциальная проблема сегодняшнего бытия, имеющая ряд теоретических измерений метафизического, этического, теологического, социокультурного, антропологического характера”»²⁵.

²⁵ См.: Смирнов В.В., Агамиров К.В., Габрелян Э.В., Дидкин А.Б., Доровских Е.М., Лапаева В.В., Орлова О.В., Плигин В.Н., Поленина С.В., Скурко Е.В., Старцун В.Н.,

В частности, практическую актуальность эти проблемы отчетливо приобрели в рамках процессов легитимации политических режимов стран, в которых прошла «арабская весна», в результате чего механизмы легитимации власти религией утратили былое значение²⁶. Применительно к российской действительности нельзя не упомянуть В.Д. Зорькина, который также обращает внимание на необходимость точного и аккуратного выстраивания формальных правовых регулятивных механизмов «в осознанном сопряжении их с неформальными моральными механизмами»²⁷.

Процесс формирования легитимных государства и права носит постоянный характер и отличается исключительной сложностью, ошибки в оценке его содержания и поддержании основных принципов ведут к распаду государственных образований.

Супатаев М.А. Взаимовлияние права и религии в современном мире (на примере ислама и других мировых религий) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 13; Бачинин В.А. Секуляризация морали как социокультурная реальность // Газета «Протестант». URL: <https://clck.ru/NPjAQ> (дата обращения: 05.05.2020).

²⁶ См.: Kjurhiski, N. Elections as contemporary mechanism for legitimation of the gulf oil monarchies in the post ‘arab spring’ era // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 5. С. 33–39.

²⁷ Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 373.

Литература

1. Авилов Я.Д. Стандарты Европейского Суда по правам человека по вопросу реализации права быть избранным / Я.Д. Авилов // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 4. С. 32–36.
2. Антонов М.В. Легитимность и действие права / М.В. Антонов // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 3. С. 48–81.
3. Арановский К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. 658 с.
4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 томах / М. Вебер. Т. 1. Социология / перевод с немецкого В.А. Брун-Цеховой [и др.] ; под общей редакцией Л.Г. Ионина. Москва : Высшая школа экономики, 2016. 444 с.
5. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен : монография / В.Д. Зорькин. Москва : Норма, 2013. 496 с.
6. Иванова С.И. Теория политико-правовой легитимации государственной власти М. Вебера: особенности исследования классических форм / С.И. Иванова // Модернизация российского общества: стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров : материалы XX Всероссийской научной конференции (национальной с международным участием) (г. Таганрог, 19–20 апреля 2019 г.). Таганрог : Таганрогский институт управления и экономики, 2019. С. 327–332.
7. Кененова И.П. Сравнительное конституционное право в доктрине и судебных решениях : учебное пособие / И.П. Кененова, А.А. Троицкая, Д.Г. Шустров. Москва : КРАСАНД, 2015. 720 с.
8. Легитимность права : коллективная монография / под общей редакцией Е.Н. Тонкова, И.Л. Честнова. Санкт-Петербург : Алетей, 2019. 496 с.
9. Ориу М. Основы публичного права / М. Ориу ; перевод с французского ; под редакцией Е. Пашуканиса и Н. Челяпова ; предисловие к русскому изданию Е. Пашуканиса. Москва : Изд-во Ком. акад., 1929. 759 с.
10. Рассел Б. Практика и теория большевизма / Б. Рассел ; перевод с английского издания 1920 г. ; перевод : И. Воробьева, И. Задорожнюк, Ю. Казанцев. Москва : Наука, 1991. 128 с.
11. Российское законодательство: 20 лет развития в русле новой Конституции Российской Федерации / ответственный редактор А.А. Клишас, В.Н. Плигин. Москва, 2013. 140 с.
12. Смирнов В.В. Взаимовлияние права и религии в современном мире (на примере ислама и других мировых религий) / В.В. Смирнов [и др.] // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 2. С. 9–21.

13. Beetham, D. Legitimation of Power / D. Beetham. Humanities Press International, 1991. 336 p.
14. Kjurchiski, N. Выборы как современный механизм легитимации монархий персидского залива после «арабской весны» / N. Kjurchiski // Коммуникология. 2016. Т. 4. № 5. С. 33–39.

References

1. Avilov Ya.D. Standarty` Evropeyskogo Suda po pravam cheloveka po voprosu realizatsii prava byt` izbranny`m [Standards of the European Court of Human Rights for the Exercising of the Right to Be Elected] / Ya.D. Avilov // Izbiratelnoe zakonodatelstvo i praktika — Electoral Legislation and Practice. 2019. № 4. S. 32–36.
2. Antonov M.V. Legitimnost i deystvie prava [Legitimacy and the Force of Law] / M.V. Antonov // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. T. 13 — Works of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Vol. 13. № 3. S. 48–81.
3. Aranovskiy K.V. Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede [The Constitutional Tradition in the Russian Environment] / K.V. Aranovskiy. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2003. 658 s.
4. Weber M. Khozyaystvo i obshchestvo: ocherki ponimayushey sotsiologii. V 4 tomakh [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. In 4 volumes] / M. Weber. T. 1. Sotsiologiya / perevod s nemetskogo V.A. Brun-Tsekhovoy [i dr.] ; pod obschey redaktsiyey L.G. Ionina. Moskva : Vy`sshaya shkola ekonomiki — Vol. 1. Sociology / translation from German by V.A. Brun-Tsekhovaya [et al.] ; under the general editorship of L.G. Ionin. Moscow : Higher School of Economics, 2016. 444 s.
5. Zorkin V.D. Pravo v usloviyakh globalny`kh peremen : monografiya [Law in the Conditions of Global Changes : monograph] / V.D. Zorkin. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2013. 496 s.
6. Ivanova S.I. Teoriya politiko-pravovoy legitimatsii gosudarstvennoy vlasti M. Vebera: osobennosti issledovaniya klassicheskikh form [M. Weber's Theory of Political Legitimation of Government: Peculiarities of Research of Classical Forms] / S.I. Ivanova // Modernizatsiya rossiyskogo obshchestva: strategii upravleniya, voprosy` pravoprimeneniya i podgotovki kadrov : materialy` XX Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (natsionalnoy s mezhdunarodny`m uchastiem) (g. Taganrog, 19–20 aprelya 2019 g.). Taganrog : Taganrogskiy institut upravleniya i ekonomiki — Modernization of the Russian Society: Management Strategies, Law Enforcement and Personnel Training Issues : files of the XX all-Russian scientific conference (national with international participation) (Taganrog, April 19 to 20, 2019). Taganrog : Taganrog Institute of Management and Economics, 2019. S. 327–332.
7. Kenenova I.P. Sravnitelnoe konstitutsionnoe pravo v doktrine i sudebny`kh resheniyakh : uchebnoe posobie [Comparative Constitutional Law in the Doctrine and Court Judgments : textbook] / I.P. Kenenova, A.A. Troitskaya, D.G. Shustrov. Moskva : KRASAND — Moscow : KRASAND, 2015. 720 s.
8. Legitimnost prava : kollektivnaya monografiya [Legitimacy of Law : joint monograph] / pod obschey redaktsiyey E.N. Tonkova, I.L. Chestnova. Sankt-Peterburg : Aleteyya — under the general editorship of E.N. Tonkov, I.L. Chestnov. Saint Petersburg : Aletheia, 2019. 496 s.
9. Hauriou M. Osnovy` publitshnogo prava [Principles of Public Law] / M. Hauriou ; perevod s frantsuzskogo ; pod redaktsiyey E. Pashukanisa i N. Chelyapova ; predislovie k russkomu izdaniyu E. Pashukanisa. Moskva : Izd-vo Kom. akad. — translation from French ; edited by E. Pashukanis and N. Chelyapov ; foreword to the Russian edition by E. Pashukanis. Moscow : Publishing house of the Communist Academy, 1929. 759 s.
10. Russell B. Praktika i teoriya bolshevizma [The Practice and Theory of Bolshevism] / B. Russell ; perevod s angliyskogo izdaniya 1920 g. ; perevod : I. Vorobyeva, I. Zadorozhnyuk, Yu. Kazantsev. Moskva : Nauka — translation of the English edition of 1920 ; translation : I. Vorobyeva, I. Zadorozhnyuk, Yu. Kazantsev. Moscow : Science, 1991. 128 s.
11. Rossiyskoe zakonodatelstvo: 20 let razvitiya v rusle novoy Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii [Russian Legislation: 20 Years of the Development in Line with the New Constitution of the Russian Federation] / otvetstvenny`y redaktor A.A. Klishas, V.N. Pligin. Moskva — publishing editor A.A. Klishas, V.N. Pligin. Moscow, 2013. 140 s.
12. Smirnov V.V. Vzaimovliyaniye prava i religii v sovremennom mire (na primere islama i drugikh mirovy`kh religiy) [The Mutual Influence of Law and Religion in the Modern World (on the Example of Islam and Other World Religions)] / V.V. Smirnov [i dr.] // Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik — V.V. Smirnov [et al.] // North-Caucasian Legal Bulletin. 2018. № 2. S. 9–21.
13. Beetham D. Legitimation of Power / D. Beetham. Humanities Press International, 1991. 336 s.
14. Kjurchiski N. Vy`bory` kak sovremenny`y mekhanizm legitimatsii monarkhiy persidskogo zaliva posle arabskoy vesny` [Elections as a Contemporary Mechanism of Legitimation of the Persian Gulf Monarchies in the Post Arab Spring Era] / N. Kjurchiski // Kommunikologiya. 2016. T. 4 — Communicology. 2016. Vol. 4. № 5. S. 33–39.

Современные формы проведения занятий, приемы и методы обучения, используемые в преподавании правовых дисциплин в высшей школе

Васильева Оксана Николаевна,

доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
vasilieva_on@mail.ru

Надточий Юлия Борисовна,

доцент кафедры экономики и инновационного предпринимательства МИРЭА —
Российского технологического университета,
кандидат педагогических наук, доцент
rector@mirea.ru

Цель. Проанализированы современные формы проведения занятий, приемы и методы обучения, используемые в преподавании правовых дисциплин в высшей школе. Внимание уделяется подготовке современных юристов — профессионалов в своей сфере деятельности, что предполагает высокий уровень качества организации учебного процесса. Представленный анализ имеет большое значение для повышения эффективности проведения рассматриваемых видов занятий. **Методология:** статья построена на разумном сочетании общенаучных и частнонаучных методов, а также с использованием таких научных методов, как анализ и синтез, индукция и дедукция. **Выводы.** Учебный процесс — это, по сути, двусторонняя деятельность основных его участников — преподавателя и студента, и от обоих участников этого процесса, от организации их совместной деятельности зависит, насколько будет освоена та или иная дисциплина, какие знания, умения и навыки (ЗУНы) приобретет студент. **Научная и практическая значимость.** В настоящее время отмечается, что студенты, по наблюдениям преподавателей, не всегда хотят думать над самостоятельным решением предложенных заданий, поэтому описанные в статье методы, приемы обучения и формы проведения занятий, которые могут быть использованы при изучении правовых дисциплин, не только заинтересуют и заставят подумать, но и закрепят пройденный материал. На примере дисциплины «Налоговое право» показано, как можно применять разные формы организации учебных занятий, использовать методы и приемы обучения при подготовке специалистов юридической сферы деятельности.

Ключевые слова: методы обучения, приемы обучения, формы проведения занятий, правовые дисциплины, подготовка юристов.

Для равнозначного понимания дефиниций кратко дадим определение основных используемых в статье понятий: метод, прием, форма занятия.

Методы обучения (методы преподавания) — это система последовательных, взаимосвязанных действий учителя и учащихся (преподавателя и студентов. — *Прим. авторов*), обеспечивающих усвоение содержания образования. Метод обучения характеризуется тремя признаками: обозначает цель обучения, способ усвоения, характер взаимодействия субъектов обучения¹.

Приемы обучения — конкретные операции взаимодействия учителя и учащегося (преподавателя и студента. — *Прим. авторов*) в процессе реализации методов обучения. Приемы обучения характеризуются предметным содержанием, организуемой ими познавательной деятельностью и обуславливаются целью применения. Прием обучения часто трактуется как часть метода обучения².

Под формой проведения занятий предлагается понимать способ организации занятия (взаимодействия преподавателя и студента), включающего различные методы, приемы и средства обучения (передачи ЗУНов).

Современные занятия в высшем учебном заведении можно проводить в разных формах: проблемная лекция, деловая игра, лекция-дискуссия, воркшоп, мастер-класс и др.

Стоит обратить внимание на то, что современные студенты, исходя из опыта работы авторов, стараются избегать принятия самостоятельных решений (решения задач, требующих самостоятельной работы, без использования примеров решения аналогичных задач или задач без готового решения). Это как «боязнь чистого листа» перед написанием какой-либо работы: художественного произведения, реферата, научной статьи и др. В связи с этим часто студентами предлагается преподавателю такая альтернатива самостоятельного выполнения задания, как выполнение задания в команде, где можно разделить ответственность за готовое решение между всеми ее членами.

¹ Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 142.

² Там же. С. 215–216.

Любое предложенное преподавателем для выполнения задание начинается с поиска готовых решений или с примеров по решению/выполнению задания из разных источников, и главный источник поиска информации при этом — сеть Интернет. И без нахождения таких примеров некоторые студенты либо отказываются от самостоятельного выполнения заданий — обращаются с просьбой к преподавателю выполнить в команде, либо отказываются от выполнения задания вообще (говорят, что не смогли/не могут найти необходимое решение).

Профессия юриста связана с большим процентом нахождения и принятия самостоятельных решений в каждой конкретной ситуации. Поэтому студентов необходимо тренировать принимать самостоятельные решения с помощью использования на занятиях различных методов и приемов обучения, а также с помощью разных форм организации занятий.

Как было отмечено выше, методов и приемов обучения, а также различных форм проведения занятий существует множество. Далее рассмотрим, как можно все это использовать в учебном процессе при подготовке юристов на примере дисциплины «Налоговое право». Сразу отметим, что описанные методы не новы, они активно используются разными преподавателями на разных ступенях обучения, однако в статье предлагаются разработанные примеры использования разных методов, приемов и форм организации занятий в рамках одной дисциплины.

1. Лекция с ошибками. Преподаватель в начале лекции предупреждает студентов, что данная лекция была специально подготовлена им с ошибками, которые необходимо найти и исправить. Очень действенная форма проведения занятий, так как студентам приходится внимательно слушать материал, для того чтобы не пропустить заведомо ложную информацию (ошибки). Приведем фрагмент лекции с ошибками на тему «Понятие и функции налогового права»³.

«...Во-первых, следует различать объективное налоговое право, представляющее собой совокупность правовых норм, которые регулируют налоговые отношения, и субъективное налоговое право, которое сводится к субъективным правам участников налоговых правоотношений.

Объективное налоговое право (tax law) представляет собой юридическую возможность участника налогового правоотношения действовать определенным образом: право на отсрочку налогового платежа, право на налоговую льготу, право на обжалование решения налогового органа и т.п. Субъективное налоговое право (taxpayers' and tax officers' rights) может быть определено как мера юридически возможного поведения участника налоговых правоотношений, установленная на основе и в пределах объективного налогового права

(действующих налоговых норм). Субъективное налоговое право — это система общеобязательных, формально определенных правовых норм, которые устанавливаются публичной властью и ею гарантируются с целью регулирования налоговых отношений. Субъективное налоговое право содержится в различных источниках налогового права (налоговом кодексе, иных нормативных правовых актах)...⁴

...Многое об объективном налоговом праве могут рассказать его функции, под которыми понимаются основные направления правового воздействия на общественные отношения в налоговой сфере.

Как и любая другая отрасль российского права, налоговое право выполняет ряд общесоциальных функций: экономическую, политическую, воспитательную функции, функции социального контроля и др.

В рамках изучаемого курса интересны в первую очередь специально-юридические функции налогового права, среди которых выделяют две основные — регулятивную и охранительную, а также ряд дополнительных — компенсационно-восстановительную, профилактическую и другие функции.

Выполняя регулятивную функцию, налоговое право устанавливает порядок в налоговой сфере. Налоговые нормы регулируют отношения в налоговой сфере через установление основ правового статуса субъектов налогового права, определение объема их прав и обязанностей, определение юридических обстоятельств, при которых вступают в действие нормы налогового права.

Задача регулятивной функции — это поддержка правопорядка в налоговой сфере, сформировавшегося в результате реализации регулятивной функции налогового права.

Помимо этого, налоговое право, выполняя задачи государственной политики в самых разных областях (экономика, социальная сфера, экология и т.д.), воздействует на наиболее важные, приоритетные на данный момент налоговые отношения через использование различного рода дозволений, стимулов и поощрений, осуществляя тем самым стимулирование налоговых отношений.

Охранительная функция налогового права сводится прежде всего к нормированию налоговых отношений, то есть к правовому воздействию на участников налоговых правоотношений через установление их прав и обязанностей в соответствии с тем, как это закреплено в нормах налогового права.

Охрана и защита урегулированных налоговым правом отношений (налоговых правоотношений) осуществляются посредством установления юридической ответственности за совершение налоговых правонарушений и использования различных правовых ограничений — установления обязанностей, запретов, санкций...⁵

³ Козырин А.Н. Введение в российское налоговое право : учебное пособие. М. : Институт публично-правовых исследований, 2014. С. 9–12.

⁴ Ошибка (выделено в тексте курсивом). Правильно: поменять местами характеристику субъективного и объективного налогового права.

⁵ Ошибка (выделено в тексте курсивом). Правильно: поменять местами задачу регулятивной функции с описанием охранительной функции.

Налоговое право может существовать только в виде налогового законодательства...»⁶

Лекцию с ошибками лучше всего преподавателю проводить с подготовленной презентацией, где наглядно можно исправлять ошибки.

2. Занятие-конференция. Для проведения такого занятия предлагается тема «Налоговое право зарубежных стран». Студенты выбирают сами или с помощью жребия страну и рассказывают о налоговом праве данной страны (например: «Налоговое право США», «Налоговое право Германии», «Налоговое законодательство стран Европы» и др.) с последующими вопросами и обсуждением изложенного материала.

3. Занятие — круглый стол. Эта форма занятия может проводиться с целью обсуждения и высказывания объективных (признанных) и субъективных мнений по определенным вопросам, например: «Права налогоплательщиков», «Обязанности налогоплательщиков», «Способы защиты прав налогоплательщиков».

4. Бинарные занятия. В подготовке и проведении занятия в такой форме участвуют два преподавателя. Например, можно организовать совместное занятие с преподавателем дисциплины «Налоги и налогообложение», а можно с преподавателем дисциплины «Деловое общение» в зависимости от поставленной цели занятия. Предлагаемая тема практического бинарного занятия «Повышение налоговой культуры населения».

5. Метод кейсов или/и практические ситуации. Студентам предлагаются конкретные ситуации из опыта работы с принятым решением, но при этом принятое решение может трактоваться не однозначно. Или ведется совместный разбор кейсов, не имеющих единого правильного решения.

Пример кейса⁷: «Организация “АБВ” была проверена налоговой инспекцией на предмет правильности исчисления и уплаты налогов. По результатам проверки было вынесено решение о привлечении “АБВ” к ответственности. Данное решение было оспорено организацией в суде. В результате разбирательства арбитражный суд принял решение в пользу налогоплательщика. В порядке контроля за деятельностью налогового органа, проводившего первоначальную выездную налоговую проверку, Управление ФНС повторно проверило организацию “АБВ” и опять вынесло решение о привлечении ее к ответственности.

Определите: может ли вышестоящий налоговый орган при проведении повторной выездной нало-

говой проверки вынести решение, которое повлечет изменение прав и обязанностей налогоплательщика, определенных не пересмотренным и не отмененным в установленном процессуальным законом порядке судебным актом, принятым по спору того же налогоплательщика и налогового органа, осуществлявшего первоначальную выездную налоговую проверку?».

Пример практической ситуации: В октябре 2019 г. заместителю директора ООО «Омега» гр. Петрову И.В. к юбилею вручили подарок стоимостью 7000 руб. Петров И.В. является резидентом и работает в ООО «Омега» по бессрочному трудовому договору. Имеет ли он право на стандартные вычеты, и если да, то какие? Какой налог и в каком размере он должен заплатить с подарка? Кто должен декларировать доход? Обоснуйте свой ответ.

6. Метод/прием «Фишбоун» (метод «рыбий скелет», «рыбья кость» К. Исикавы) или/и «Интеллектуальные карты». По сути, эти методы представляют собой графический способ изложения полученной/получаемой информации с указанием существующих взаимосвязей. Например, данный метод можно использовать при изучении темы «Основы правового регулирования налоговых отношений» (рис. 1).

7. Прием «Филворд». Филворд — это одна из разновидностей кроссворда. В поле кроссворда, заполненном буквами, необходимо найти слова, являющиеся ответами приведенных определений. Все буквы найденного слова надо вычеркнуть. Пример филворда на тему «Понятие и виды налогового-правовых норм» показан на рисунке 2.

Можно к филворду дать следующие определения:

«...Структура нормы налогового права разделяется на три компонента:

1) ...определяет условия, обстоятельства, при которых могут возникнуть налоговые правоотношения, и указывает на участников этих правоотношений;

2) ...содержит предписание о том, как должны поступать участники налоговых правоотношений, т.е. определяет их права и обязанности;

3) ...мера ответственности, применяемая к нарушителям налогового-правовых норм».

8. QR-код для прохождения мини-теста. Можно давать в начале занятия на закрепление/повторение материала, который был пройден на предыдущем занятии и логически связан с темой данного занятия. Например, в начале занятия по теме «Налоговое правонарушение: понятие и признаки» на закрепление материала по теме «Нарушения законодательства о налогах и сборах и налоговые правонарушения». Пример вопросов для мини-теста приведен ниже, а пример QR-кода для его прохождения показан на рисунке 3.

Пример вопросов (необходимо выбрать один правильный ответ из предложенных):

1. Деяния участников налоговых правоотношений, соответствующие социально полезным

⁶ Ошибка (выделено в тексте курсивом). Правильно: налоговое право может существовать не только в виде налогового законодательства и иных источников, но только в виде налогово-правовой науки, но и как самостоятельная учебная дисциплина, которую изучают студенты на юридических факультетах университетов, а в ряде случаев и студенты-экономисты.

⁷ Практикум по курсу «Налоги и налогообложение» для студентов дневной и вечерней форм обучения всех специальностей / под ред. Р.А. Петуховой. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. 96 с.

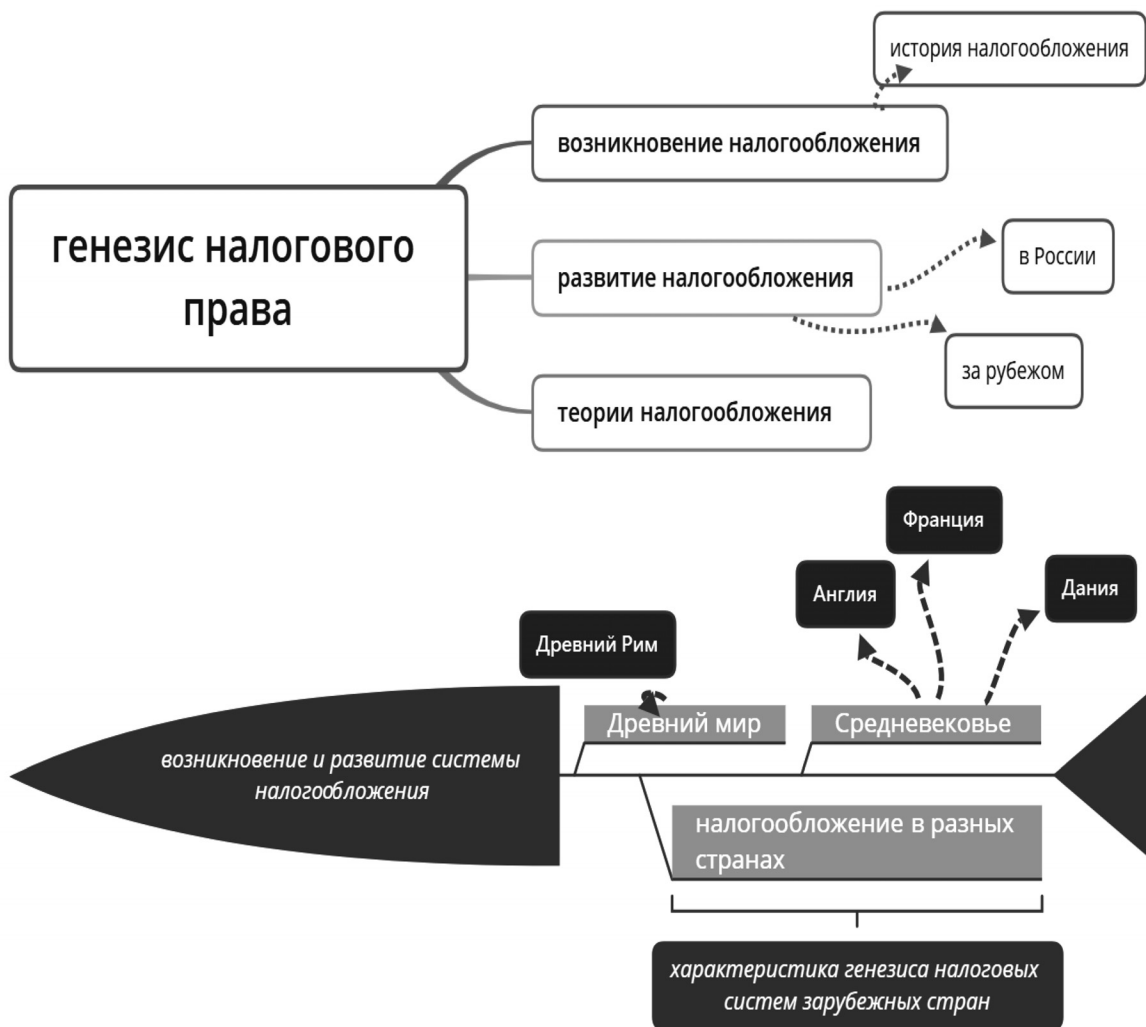

Рис. 1. Примеры фрагментов интеллект-карты и схемы «Фишбоун» на тему «Основы правового регулирования налоговых отношений»

Примечание: Для создания примеров использована бесплатная версия программы XMind (<https://www.xmind.net>).

Г	Е	З	А	К	А
И	Т	А	И	Я	Я
П	О	К	Ц	И	Ц
С	А	Н	О	З	И

Г	Е	З	А	К	А
И	Т	А	И	Я	Я
П	О	К	Ц	И	Ц
С	А	Н	О	З	И
Д	Н	С	Н	Б	Я

Рис. 2. Пример фрагмента филворда с ответами на тему «Понятие и виды налогово-правовых норм»

целям (предпринимательская деятельность, содействие социально-экономическому развитию территорий, проведение мероприятий по охране окружающей среды и т.д.) и совершаемые ими в соответствии с действующими нормами налогового права, — это:

- а) правомерное поведение в налоговой сфере;
- б) противоправное поведение в налоговой сфере.

Рис. 3. QR-код для прохождения мини-теста

2. Укажите типы правомерного поведения в налоговой сфере:

- а) желательное;
- б) допустимое;
- в) общественно необходимое;
- г) верные ответы а), б) и в);
- д) верные ответы а) и б).

3. Противоправное поведение в налоговой сфере – это:

а) деяния участников налоговых правоотношений, соответствующие социально полезным целям и совершаемые ими в соответствии с действующими нормами налогового права;

б) совершение лицом правонарушения в налоговой сфере и нарушение им налоговой дисциплины.

9. Составление графического конспекта пройденного или самостоятельно изученного материала. Может использоваться как вариант домашнего задания или задания для самостоятельной работы в аудитории. Такое задание можно давать после изучения тем, состоящих из нескольких разделов, на закрепление пройденного материала. Например, таких тем, как: «Налоговые правонарушения и налоговая ответственность» и «Защита прав и законных интересов налогоплательщика». Затем по составленному конспекту предлагается рассказать на изученную тему.

10. Методы совместного обучения. Можно использовать различные методы совместного обучения, но предполагающие разделение ответственности между участниками команды. Например, такой метод, как Jigsaw (метод головоломки, но у нас он более известен как метод под названием «Пила» по дословному переводу с английского языка). На официальном сайте 'Jigsaw classroom'⁸ указано, что авторами данного метода являются студенты Техасского и Калифорнийского университетов во

главе с Э. Аронсоном (1971 г.). Использование этого метода предполагает осуществление десяти шагов:

1) необходимо разделить группу студентов на подгруппы по 5 или 6 человек;

2) в каждой подгруппе нужно назначить лидера;

3) тему занятия необходимо разделить на 5–6 частей (например, тема занятия «Защита прав и законных интересов налогоплательщика»: а) презумпция добросовестности налогоплательщика; б) защита законных интересов налогоплательщика; в) налоговая тайна; г) информирование налогоплательщика; д) консультирование налогоплательщика; е) обжалование налогоплательщиком актов налоговых органов, действий и бездействия их должностных лиц);

4) каждый студент из подгруппы должен изучить одну из частей общего вопроса;

5) ознакомление студентов со своей частью работы;

6) формирование временных «экспертных групп», в которые объединяются студенты из разных подгрупп, изучающие одинаковые части вопроса (части темы);

7) студенты расходятся по своим подгруппам;

8) в каждой подгруппе студенты представляют свою часть работы, остальные студенты из этой подгруппы задают уточняющие вопросы;

9) обход преподавателем всех подгрупп, наблюдение за процессом;

10) тест для студентов по пройденному материалу с целью выявления полученных знаний.

На занятие с использованием метода Jigsaw можно выделить две пары (4 академических часа).

Рассмотренные в статье методы направлены на развитие критического и аналитического мышления и выработку у студентов навыков самостоятельной работы (самостоятельного принятия ответственных решений), что необходимо для будущих юристов.

⁸ Официальный сайт 'Jigsaw classroom'. URL: <https://www.jigsaw.org> (дата обращения: 24.06.2020).

Литература

1. Козырин А.Н. Введение в российское налоговое право : учебное пособие. Москва : Институт публично-правовых исследований, 2014. 304 с.
2. Педагогический энциклопедический словарь / главный редактор Б.М. Бим-Бад. Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. 528 с.
3. Практикум по курсу «Налоги и налогообложение» для студентов дневной и вечерней форм обучения всех специальностей / под редакцией Р.А. Петуховой. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2010. 96 с.

References

1. Kozyrin A.N. Vvedenie v rossiyskoe nalogovoe pravo : uchebnoe posobie [An Introduction to the Russian Tax Law : textbook]. Moskva : Institut publichno-pravovyy`kh issledovaniy – Moscow : Institute of Public Law Research, 2014. 304 s.
2. Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar [Pedagogical Encyclopedic Dictionary] / glavny`y redaktor V.M. Bim-Bad. Moskva : Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya – editor in chief V.M. Bim-Bad. Moscow : Great Russian Encyclopedia, 2002. 528 s.
3. Praktikum po kursu 'Nalogi i nalogooblozhenie' dlya studentov dnevnoy i vecherney form obucheniya vseh spetsialnostey [Practical Training in Taxes and Taxation for Full- and Part-Time Students of All Special Fields] / pod redaktsiey R.A. Petukhovoy. Sankt-Peterburg : Izd-vo SPbGUEF – edited by R.A. Petukhova. Saint Petersburg : Publishing house of the Saint Petersburg State University of Economics and Finance, 2010. 96 s.

DOI: 10.18572/1813-1190-2020-8-15-18

Практика использования квестов при обучении криминалистическим дисциплинам

Воробьева Ирина Борисовна,

доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук
irinavorobyeva@yandex.ru

Цель. Обратить внимание на необходимость поиска и интеграцию новых технологий в процесс обучения студентов нового поколения. Обосновывается актуальность и эффективность применения квеста как разновидности деловой игры в учебном процессе. Раскрываются основные аспекты применения квестов в процессе изучения криминалистических дисциплин. **Методология:** диалектический метод, методы анализа и синтеза, интервьюирования. **Выводы.** Установлено, что квесты расширяют педагогический потенциал преподавателя и удачно дополняют традиционные формы организации учебного процесса и методики преподавания. Они позволяют: мотивировать к более глубокому изучению дисциплин; активизировать процесс мышления; проявить сообразительность, эрудицию и умение нестандартно мыслить; находить выход из проблемных ситуаций; демонстрировать знания и умения в овладении формируемыми компетенциями; реализовывать страсть молодых людей к приключениям и загадкам. Именно такая форма организации учебного процесса наиболее оптимальна для современных студентов. **Научная и практическая значимость.** Обобщение опыта работы автора в разработке и применении квестов в учебном процессе может представлять интерес для преподавателей вузов. Квест обладает ярко выраженной практической направленностью, позволяющей закрепить и углубить знания и умения будущих юристов по изучаемым дисциплинам. Реализация данной образовательной технологии позволит разрешить некоторые проблемы, возникающие при овладении современными студентами дисциплинами криминалистического цикла.

Ключевые слова: юридическое образование, образовательные технологии, криминалистика, студенты, квест, деловая игра.

Обобщение опыта педагогов показывает, что практически каждый из нас задумывается о том, каким образом сделать учебный процесс наиболее привлекательным для современных студентов, главная черта которых глубокая увлеченность цифровыми технологиями. Для них нет ни пространственных, ни временных преград. Они имеют доступ к самой различной информации и в минимальные сроки получают на свой запрос уже готовый ответ.

В последнее время многие педагоги стали замечать, что с нынешними студентами гораздо сложнее работать. Преподаватели перестали быть для студентов основным источником знаний. Современным студентам уже не интересно быть просто слушателями. Они предпочитают быть активными участниками процесса обучения. Для них характерны самоуверенность, нацеленность на получение быстрого результата. «Одна из ценностей поколения Y — самореализация, которая не возможна без обучения, поэтому представители этого поколения любят учиться и всегда открыты новому. Если преподавателям удастся использовать эту активность и любовь к обучению и технологиям, то эффект от таких занятий будет на порядок выше. Таким образом, работая со студентами поколения Y, важно не только знать и понимать их природу, но и использовать соответствующие стратегии обучения»¹. Развитие самостоятельности и активности у сту-

дентов во многом зависит от желания преподавателя совершенствовать стиль педагогической работы. Поэтому преподаватель должен сменить роль информатора на роль организатора процесса познания и создавать условия для проявления студенческой инициативы. Если вспомнить Альберта Эйнштейна, то именно он говорил о том, что никогда не учит своих учеников, а создает им условия, при которых они могут учиться сами.

Кафедра криминалистики СГЮА постоянно совершенствует условия обучения, применяя как традиционные, так и новые образовательные технологии. Внедрение игр в учебный процесс реализуется в форме пассивных (опрос, тест и т.п.) и активных форм. В случае применения пассивных форм игровой момент может быть реализован лишь в содержании и условиях самостоятельно выполняемых заданий. Такой способ не исключает игру полностью, но носит скорее факультативный, нежели определяющий характер. В активном формате осуществления образовательного процесса предполагается реализация таких креативных технологий, как квест.

В 1995 году профессор Берни Додж (Bernie Dodge) из Университета Сан-Диего (США) впервые предложил применять термин «квест» для обозначения образовательной технологии. Что такое квест, многие знают: это игра, участники которой, преодолевая препятствия, двигаются к определенной цели. Создатели компьютерных игр применяли это слово для названия любых многоуровневых игр. Игрок не может попасть на следующий уровень, пока не отыщет все подсказки и не решит заранее сформулированные задания.

¹ Нестерцова С.Г. Индивидуально-психологические и познавательные особенности «поколения Y» // Наука ЮУрГУ. Секция социально-гуманитарных наук : материалы 66-й науч. конф. / отв. за вып. С.Д. Ваулин ; Юж.-Урал. гос. ун-т. Челябинск : Изд. центр ЮУрГУ, 2014. С. 1638.

Образовательный квест — это педагогическая технология с элементами деловой игры, реализуемая преподавателем с целью проверки и углубления знаний обучающихся. В квесте, в отличие от других технологий обучения, должны быть элементы поиска и обнаружения мест, объектов, людей, информации. Поэтому он основывается на цели, поставленной перед его участниками, достижение которой связано с обязательным поиском объектов через преодоление определенных трудностей. Квест имеет четкие правила проведения и сочетает сразу несколько методов: мозговой штурм, дискуссию, тренинг, а главное — игру, что и привлекает современных студентов.

Нужно отметить, что квесты последнее время широко внедряются в образовательный процесс не только в средней, но и в высшей школе. На кафедре криминалистики СГЮА уже несколько лет эта технология активно применяется при проведении как аудиторных, так и внеаудиторных занятий. В результате проведенного нами интервьюирования студентов абсолютное большинство выразили весьма позитивное отношение к использованию квестов. Они вызывают такой интерес у обучающихся, что научное студенческое сообщество академии практикует теперь проведение не только отдельных квестов, а недельной серии игр.

Для проведения образовательных квестов могут использоваться ресурсы практически любой территории. Квесты можно проводить как на открытом пространстве, так и в учебных аудиториях, на криминалистических полигонах, в музеях и т.д.

И.Н. Сокол² предлагает подробную общую классификацию квестов. С учетом ее мнения образовательные квесты по криминалистическим дисциплинам можно систематизировать по различным основаниям.

Квесты могут быть кратковременные и длительные, групповые и индивидуальные, сюжетные и несюжетные.

Поскольку изучаемые дисциплины базируются на анализе практики (экспертной, следственной, судебной), это дает возможность разрабатывать различные сюжетные линии. При создании сценариев квестов задания могут основываться как на вымышленных, так и на реальных фактах. Можно использовать архивные истории уголовного мира, а также мотивы, известные из художественной литературы, фильмов и т.д. Квесты можно создавать не только по отдельным разделам конкретной дисциплины, проблемам, темам, вопросам, но и междисциплинарные. При моделировании ситуаций обучающимся предлагаются задачи, в ходе решения которых возможна определенная вариативность поведения.

По композиции можно создавать следующие виды квестов:

— узловой квест предполагает наличие основного замысла и определенное количество пунктов (станций) с заданиями, последовательность выполнения которых определяют сами участники игры;

— линейный квест представляет совокупность заданий, расположенных на определенном заранее маршруте таким образом, чтобы ответ, полученный в результате решения очередного задания, являлся ключом к местонахождению следующего задания. Разновидностью линейной игры является кольцевой квест, построенный таким образом, чтобы каждая группа участников начинала и заканчивала игру в определенной точке.

По форме проведения квесты могут быть живые, компьютерные, веб-квесты, комбинированные и др. Особого внимания заслуживают веб-квесты, являющиеся разновидностью интерактивного обучения. Метод обучения с помощью веб-квестов широко применяется педагогами многих стран (Бразилии, Испании, Китая, Австралии, Голландии и Америки). В нашей стране эта технология только начинает свою жизнь и используется в основном в школах. Поэтому нужно быть готовыми к тому, что следующее поколение студентов уже будет хорошо владеть данной технологией.

Для выполнения заданий веб-квеста обязательно используются информационные ресурсы Интернета. Это специально созданные веб-сайты, с которыми студенты работают, выполняя конкретную учебную задачу. Список ресурсов представляет собой гиперссылки, связанные между собой. Поскольку свободный поиск информации в Интернете имеет весьма сомнительную учебную ценность, именно веб-квесты помогают целенаправленному использованию интернет-источников и, таким образом, внедрению Интернета в учебный процесс. Особо перспективным представляется использование системы Moodle для создания веб-квестов с целью дистанционного обучения.

Виды веб-квестов по криминалистическим дисциплинам могут быть различными, например: поиск и систематизация информации по конкретному вопросу (теме); выработка решения по дискуссионной проблеме; оценка и обоснование определенной точки зрения; разработка плана расследования на основе конкретной фактуры дела; создание учебного видеоролика по работе с конкретными видами следов (рук, ног и т.п.) или по тактике проведения отдельного следственного действия; выдвижение и обоснование версий на основе имеющихся фактических материалов; интерактивное расследование преступления и т.д.

Перед выполнением задания студент должен выбрать для себя роль (например, следователя, эксперта, судьи и т.д.), что обеспечит разные углы зрения на конкретную проблему. По итогам веб-квеста, кроме устного сообщения, могут быть созданы презентации и веб-страницы. Оценивать ре-

² Сокол И.Н. Классификация квестов // Молодой ученый. 2014. № 6 (09). С. 138–140. URL: <http://www.molodyucheniy.in.ua/files/journal/2014/6/89.pdf> (дата обращения: 29.06.2020).

зультаты могут как преподаватели, так и студенты в ходе обсуждения или путем проведения интерактивного голосования.

«Технология веб-квест несомненно способствует развитию критического мышления у студентов на любом этапе их обучения и может быть успешно интегрирована в образовательный процесс независимо от направления подготовки и специфики предметной области»³. Преимущество обучения с помощью веб-квеста заключается в том, что студент становится активным участником процесса обучения и сам создает дизайн образовательной среды, что приучает его в дальнейшем находить оптимальное решение в конкретной жизненной ситуации.

Кафедра криминалистики СГЮА все чаще проводит деловые игры в «реальности» или, как их еще называют, «живые» квесты, привлекающие большое внимание студентов. Технология такого квеста позволяет реализовать наглядность обучения, которая состоит в использовании различных следов в натуральном виде, их копий, а также в возможности демонстрации презентаций, видео и т.д.

Тема первой игры в реальности, организованная и проведенная автором на кафедре криминалистики, называлась «По следам преступления». Квест предоставил участникам возможность выявлять, фиксировать и исследовать различные материальные следы (предметы, вещества, отображения), навыки работы с которыми у студентов к тому моменту уже имелись. В игре приняли участие студенты, преподаватели и сотрудники кафедры, а также школьники, приглашенные в целях профориентации. Успеху квеста способствовало особое место проведения игры — здание, принадлежащее вузу и являющееся памятником архитектуры конца XIX — начала XX в. Сотрудник областного музея краеведения, приглашенный организаторами квеста, рассказал об истории здания. Эта информация заинтересовала студентов и помогла им погрузиться в атмосферу конца XIX века. С помощью средств современной криминалистической техники участники квеста смогли обнаружить, зафиксировать и изъять такие следы преступления, которые невозможно было выявить и исследовать в прошедший исторический период. В итоге студенты смогли сформировать криминалистическую модель личности преступника и установить конкретного субъекта преступления, подкрепить свое решение доказательственной базой, полученной в ходе деловой игры.

Особый интерес у студентов вызвал квест «Учет религиозных факторов при расследовании преступлений», построенный по узловому принципу. Участникам необходимо было выполнить задания, показав при этом знания не только в области криминалистики. Они должны продемонстрировать знание правил поведения (этикета) в зданиях,

принадлежащих разным религиозным конфессиям, понимание специфической терминологии, способность подвергать анализу специфические сведения, содержащиеся в протоколах следственных действий. Задания касались знания особенностей расположения на местности культовых зданий, правил описания икон, киотов и других предметов в протоколах следственных действий; распознавания по речевым особенностям представителя конкретного религиозного объединения. Необходимо отметить, что в квестах принимают участие студенты, являющиеся сторонниками различных религиозных конфессий, что способствует формированию установок толерантного поведения, веротерпимости, миролюбия.

Уже несколько лет на кафедре проводится квест по распознаванию подделки документов, который и завершает изучение одноименной дисциплины. При реализации данного квеста деловая игра начинается с разгадывания кроссворда, направленного на проверку понимания терминов, используемых при работе с документами. На следующих этапах участники квеста постепенно погружаются в практическую часть игровой деятельности. Команды должны найти определенные объекты, имеющие отношение к документированной информации, и выполнить многочисленные задания по их исследованию как в целом, так и отдельных реквизитов документа (оттисков печатей, подписей и т.п.), а также по установлению уровня защищенности документа от подделки. Участникам необходимо было осуществить подготовку материалов для проведения конкретной экспертизы (сформулировать вопросы, подготовить образцы для проведения сравнительного исследования и т.д.). При выполнении заданий необходимо было проявить специальные теоретические знания, полученные в процессе обучения, способность анализировать информацию, содержащуюся в различных документах, а также продемонстрировать ключевые навыки и умения при работе с криминалистической техникой.

При прохождении любого квеста команды могут воспользоваться подсказками, которые можно получить у преподавателя, ведущего игру. По окончании игры определяется ее победитель. Итоги квеста подводятся преподавателем с учетом количества баллов, начисляемых за выполненное задание. На заключительном этапе проводится разбор ошибок, допущенных при выполнении заданий.

Образовательные квесты дают возможность показать их участникам роль криминалистических дисциплин не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в других сферах правоприменения, а также в жизни широких слоев населения. Студенты начинают воспринимать изучаемые дисциплины как межотраслевые науки и учатся размышлять системно. Они могут побывать в роли не только следователя, но и эксперта, адвоката, судьи и других процессуальных участников. В рамках квестов

³ Шульгина Е.М. Развитие критического мышления у студентов посредством технологии веб-квест // Язык и культура : сборник статей XXVIII Международной научной конференции (25–27 сентября 2017 г.). Томск, 2018. С. 447.

студенты могут приобрести и реализовать знания не только в правильном составлении процессуальных документов, но и в умении находить ошибки как у своих коллег, так и процессуальных противников.

Практика применения квестов на кафедре криминалистики СГЮА показала, что именно такая форма учебного процесса является наиболее оптимальной для современных студентов, утрачивающих способность реального общения. Участники квеста активнее включаются в учебный процесс, получают новые знания, учатся работать в команде, проявлять коммуникабельность и др.

Квесты расширяют педагогический потенциал преподавателя и удачно дополняют традиционные формы организации учебного процесса и методики преподавания. Они позволяют:

- мотивировать к более глубокому изучению дисциплин;
- активизировать процесс мышления;
- проявить сообразительность, эрудицию и умение нестандартно мыслить;
- находить выход из проблемных ситуаций;
- выявить уровень сформированности профессиональных компетенций;
- реализовывать тягу молодых людей к приключениям и загадкам.

Используя привлекательность и специфику криминалистических дисциплин, необходимо помочь студентам так организовать учебно-исследовательскую деятельность, чтобы сформировать не-

обходимые профессиональные качества. «Таким образом, требуются новые интерактивные методы и формы, образовательные технологии, обеспечивающие скорость преобразований и отвечающие на запросы современного и будущего общества. Нужны технологии, которые позволяют готовить людей, способных в условиях глобальной конкуренции проектировать новые виды деятельности, преобразовывать социальную среду, создавать успешные бизнесы, решать актуальные задачи сегодняшней практики и возможные проблемы будущего»⁴.

Современная методика преподавания в вузе сегодня делает серьезный упор на активизацию игровой деятельности в рамках учебного процесса. Актуальность и эффективность применения квеста в учебном процессе при изучении криминалистических дисциплин трудно оспорить. Выбор времени, формы и метода проведения игрового квеста во многом зависит от цели и задач, которые ставит преподаватель перед учебным занятием и обучающимися. Но при этом важно не забывать, что игры являются лишь инструментом в учебном процессе. И здесь важно соблюдать чувство меры и не заиграться. Поэтому надо добиваться оптимального сочетания как традиционных, так и новых образовательных технологий.

⁴ Кичерова М.Н., Ефимова Г.З. Образовательные квесты как креативная педагогическая технология для студентов нового поколения // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 5. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/28PDMN516.pdf>. Загл. с экрана. Яз. рус., англ. (дата обращения: 27.06.2020).

Литература

1. Нестерцова С.Г. Индивидуально-психологические и познавательные особенности «поколения Y» / С.Г. Нестерцова // Наука ЮУрГУ : материалы 66-й научной конференции. Секция социально-гуманитарных наук (г. Челябинск, 15–17 апреля 2014 г.) / ответственный за выпуск С.Д. Ваулин. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2014. С. 1634–1638.
2. Шульгина Е.М. Развитие критического мышления у студентов посредством технологии веб-квест / Е.М. Шульгина // Язык и культура : сборник статей XXVIII Международной научной конференции (г. Томск, 25–27 сентября 2017 г.) / ответственный редактор С.К. Гураль. Томск, 2018. С. 440–447.

References

1. Nestertsova S.G. Individualno-psikhologicheskie i poznavatelny`e osobennosti 'pokoleniya Y' [Individual Psychological and Cognitive Peculiarities of Generation Y] / S.G. Nestertsova // Nauka YuUrGU : materialy` 66-y nauchnoy konferentsii. Sektsiya sotsialno-gumanitarny`kh nauk (g. Chelyabinsk, 15–17 aprelya 2014 g.) / otvetstvenny`y za vy`pusk S.D. Vaulin. Chelyabinsk : Izdatelskiy tsentr YuUrGU — Science of the SUSU : files of the 66th scientific conference. Department of Socio-Humanitarian Sciences (Chelyabinsk, April 15 to 17, 2014) / responsible for the issue S.D. Vaulin. Chelyabinsk : SUSU publishing center, 2014. S. 1634–1638.
2. Shulgina E.M. Razvitie kriticheskogo my`shleniya u studentov posredstvom tekhnologii veb-kvest [The Development of Critical Thinking of Students Using the Web Quest Technology] / E.M. Shulgina // Yazy`k i kultura : sbornik statey XXVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Tomsk, 25–27 sentyabrya 2017 g.) / otvetstvenny`y redaktor S.K. Gural. Tomsk — Language and Culture : collection of articles of the XXVIII international scientific conference (Tomsk, September 25 to 27, 2017) / publishing editor S.K. Gural. Tomsk, 2018. S. 440–447.

Юридическое образование в условиях цифровой экономики: новые проблемы и нетрадиционные решения

Казачкова Земфира Мухарбиевна,

профессор кафедры административного и финансового права
Всероссийского государственного университета юстиции (ВГУЮ (РПА Минюста России)),
доктор юридических наук, профессор
zem7900@yandex.ru

Казачков Владимир Александрович,

доцент кафедры экономики и финансов Одинцовского филиала
Московского государственного института международных отношений (Университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
кандидат экономических наук
kazachkov.stav@yandex.ru

Цель статьи состоит в исследовании глубинных причинно-следственных связей, обуславливающих необходимость обновления парадигмы современного юридического образования. Электронное правосудие и искусственный интеллект, новые технологии обработки значительных объемов правовой информации, цифровые права и налогообложение услуг, предоставляемых в электронной форме, — эти и многие другие тенденции формируют запрос на юристов «новой волны», обладающих знаниями, умениями, навыками в парадигме Legal Tech. В этом контексте обоснован компетентностный подход в современном юридическом образовании с учетом новых технологических императивов. **Методология:** использованы общенаучные и специальные методы, в том числе диалектический метод, методы формальной логики, включая анализ, синтез, индукцию, дедукцию; системный подход, сравнительно-правовой и сравнительно-исторический методы, а также формально-догматический, описание и сравнение. **Выводы.** Парадигма юридического образования в условиях цифровой экономики — это модель, учитывающая неразрывную связь права, экономики, новых технологий, нового стиля предоставления юридических услуг. В этой связи обоснована необходимость обновления рабочих программ, особенно магистерских, для более основательного изучения проблем интеллектуальной собственности, антимонопольного регулирования; права и биотехнологий; правовых аспектов геномной инженерии; проблем юридического сопровождения создания биотехнологических компаний, включая принципы и источники начального финансирования, нормативной среды. **Научная значимость** статьи состоит в концептуализации связи новых технологических решений в цифровой экономике и образовательных технологий, методик формирования новых специальных курсов, учитывающих многообразие связей права, экономики и технологий. **Практическая значимость** статьи заключается в возможности использования приведенных материалов и выводов для проведения ребрендинга магистерских программ с учетом запросов рынка юридических услуг, мониторинга потребностей работодателей, установления прочных связей между университетами и работодателями по широкому спектру взаимовыгодного сотрудничества.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые права, рынок юридических услуг, профессиональные компетенции, селективные курсы, практические навыки.

Четвертая промышленная революция, связанная с применением цифровых технологий, актуализирует необходимость внесения коррективов в образовательную парадигму. Новые вычислительные технологии, блокчейн, технологии распределенного реестра, цифровые права — все это и многое другое активно обсуждается, прежде всего потому, что это новая экономическая реальность, кардинально обновляющая способы передачи информации.

В Российской Федерации на государственном уровне принимаются меры по развитию искусственного интеллекта. Так, был издан Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹.

Кардинальные сдвиги в технологиях, в стиле мышления в условиях нарастающего значения виртуальной реальности затрагивают различные сегменты собственно юридической деятельности, от юридического сопровождения онлайн-финансовых транзакций до обеспечения правовыми средствами способов голосования. В этой связи возникают новые концептуальные задачи в процессе подготовки юристов².

Для юристов все более ощутимыми становятся вопросы конкуренции с искусственным интеллектом, который уже выполняет многие, не только

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/> (дата обращения: 15.06. 2020).

² Susskind, Richard. Tomorrow's lawyers. An Introduction to your future. Second Edition. Oxford University Press. 2017. P. 158–165.

самые простейшие, операции из профессионального репертуара современного юриста. Как следствие, возникают новые вопросы и сомнения: насколько будут релевантны знания, умения, компетенции современного юриста выполнению новых задач, как поведет себя рынок юридических услуг в условиях, когда часть трудовых функций можно будет делегировать автоматизированным системам; возникают проблемы этического плана в контексте бурного развития био-, нейро- и аудиовизуальных технологий, которые уже существенно меняют не только сферы медицины, образования, но и даже методы ведения бизнеса.

Впрочем, эта тенденция была предсказана еще Г.В. Лейбницем, который сам был юристом, но в 1673 г. представил первый арифмометр для выполнения четырех арифметических операций. Именно поэтому Лейбниц считается одним из отцов-основателей искусственного интеллекта³. Но это дела давно минувших дней.

В настоящее время искусственный интеллект активно применяется при проведении трудоемких юридических исследований, при обработке статистических данных, результатов социологических исследований, при обобщении судебной практики, в административной работе, в процессе упорядочения и систематизации нормативно-правовой базы, для проведения всестороннего анализа должной осмотрительности в связи с огромными объемами данных, которые являются частью любого слияния, присоединения или другой сложной корпоративной транзакции; налогового планирования; при создании более надежной кибернетической безопасности, при осуществлении аналитической работы с финансовой и налоговой статистикой. В такой многомерной реальности рождаются новые программные продукты, и этот процесс совершенствования взаимосвязи гуманитарных усилий и технологических средств является бесконечным. Новые технологии проникли в сферы предоставления юридических услуг, изменили саму конфигурацию услуги. Чат-робот или цифровой помощник выполняют функции персональных навигаторов, помогая клиентам удовлетворить свой запрос.

Например, в программе Microsoft Office 365 заложены функции e-Discovery, обеспечивающие дополнительный уровень эффективности и экономии затрат для юристов и юридических отделов⁴. Рынок e-Discovery составляет миллиарды долларов и продолжает расти. За долю этого пирога конкурируют

десятки ИТ-корпораций, включая таких гигантов, как Symantec, HP и IBM⁵.

Автоматизация процессов не только в корне меняет структуру рынка рабочей силы, но и делает уязвимыми многие традиционные функции юриста. В создавшихся условиях приоритетными все в большей степени становятся детальные запросы работодателей, включающие не только обоснованные наборы требуемых компетенций, но и соответствующий этим требованиям уровень дохода выпускника.

Вместе с тем характеристики рынка юридических услуг нередко сводятся пока еще к вопросам количественного плана: о перепроизводстве юристов в России, об избыточности юридических факультетов. Реже затрагиваются вопросы перестройки юридического образования в новых технологических условиях.

С аналогичными проблемами в разное время столкнулись и другие государства. Так, в США наблюдался феноменальный рост числа занятых в сфере предоставления юридических услуг со времен Второй мировой войны. В результате в 1990 г. сфера юридических услуг оценивалась приблизительно в 91 млрд долл. в год, в этой сфере было занято более 940 тыс. человек, то есть один юрист на каждые 320 человек⁶. Через тридцать лет, в 2019 г. в США насчитывалось 1,35 млн юристов, таким образом, прирост численности юристов США за тридцать лет составил 410 тыс. юристов. В настоящее время количество юристов в США по сравнению с количеством рабочих мест формирует ситуацию избыточного предложения, притом что число выпускников юридических факультетов сократилось примерно на четверть в период с 2013 по 2017 г. Еще одной причиной избыточного числа юристов в США является повышение уровня автоматизации, причем около половины юридических фирм признают, что за последние два года действительно происходила замена человеческих ресурсов на технологии⁷. Вместе с тем, кроме количественной стороны вопроса есть еще и аспекты, связанные с качеством подготовки юристов для новой цифровой реальности.

Как эти новые тенденции трансформируют уже сложившийся подход к формированию компетенций студентов? Наиболее цитируемым автором в области понимания компетенций является Н. Хом-

³ Merve, A. Kızrak. AI vs. Lawyers: The Future of Artificial Intelligence and Law. // <https://interestingengineering.com/ai-vs-lawyers-the-future-of-artificial-intelligence-and-law> (дата обращения: 20.06.2020).

⁴ Electronic discovery (так же e-discovery или ediscovery) — любой процесс, в котором электронные данные ищутся, определяется их местоположение и они надежно сохраняются для использования в качестве улик в гражданском или уголовном судебном процессе. URL: <https://www.microfocus.com/ru-ru/solutions/ediscovery-solutions> (дата обращения: 20.06.2020).

⁵ Парамонов О. Как автоматический анализ данных упрощает работу юриста? URL: <https://www.computerra.ru/182594/ediscovery-symantec-bigdata> (дата обращения: 20.06.2020).

⁶ Legal Education and Professional Development-An Educational Continuum. Report of The Task Force on Law Schools and the Profession: Narrowing the Gap American Bar Association Section of Legal Education and Admissions To the Bar. July 1992. P. 13.

⁷ Number of lawyers in the United States from 2007 to 2019. URL: <https://www.statista.com/statistics/740222/number-of-lawyers-us> (дата обращения: 20.06.2020).

ский⁸, который не только впервые употребил термин «компетенция», но и его теория «языковой компетенции» впоследствии легла в основу разработки стандартов изучения родного и иностранных языков в странах Европы⁹.

В универсальной плоскости в основе овладения любой компетенцией лежит синтетический подход, основанный на соединении устойчивых теоретических знаний с практическими навыками. Именно соединение, а не разъединение теоретиков и практиков по различным классам есть суть такого подхода.

В США, например, такой подход стал складываться сразу после Второй мировой войны. Профессиональные компетенции получили сильную закалку в процессе практического обучения, прежде всего в юридических клиниках. В настоящее время в США практикуются клинические курсы, которые подразумевают занятия как на симуляторе, так и с участием живого клиента. Целевая инспекционная группа Американской ассоциации адвокатов оценивает качество программ обучения навыкам юридической школы, особое внимание уделяется оценке количества выделенных ресурсов и наличию штатного преподавательского состава, способного решать разноплановые задачи. Самое важное состоит в том, что эта группа не просто использует средства административного воздействия, но проводит углубленные исследования в области обучения практическим навыкам, производит мониторинг таких программ для студентов. Юридическое сообщество обсуждает вопрос о методах усиления интереса работодателей к программам юридических факультетов, усиливающих приверженность к обучению навыкам.

С конца 1960-х — начала 1970-х годов компетентностный подход стал активно развиваться сразу в нескольких государствах общего права, таких как Австралия, Канада, Новая Зеландия. Были разработаны программы развития профессиональных навыков, основанные на желаемых моделях с позиций запросов рынка юридических услуг, формирующегося в новых технологических реалиях. Эти новые программы символизировали начало перехода к обучению, ориентированному на практические нужды.

Одновременно стали меняться системы оценки знаний: от итоговой оценки к комбинации оценок, отражавших степень овладения знаниями, навыками и умениями. Программы и подходы к оценке стали тесно привязываться к методологии оценки труда и к различным системам заработной платы. Интересно, что одной из первых американских

юридических фирм, принявшей модель компетенций, была фирма Husch Blackwell. Эта фирма консультирует клиентов по различным операциям, в том числе по слияниям и поглощениям в фармацевтической индустрии.

В ответ на этот вызов передовые вузы начали вести скрупулезный учет профессиональных достижений и неудач каждого своего выпускника. Интернет-эпоха упростила эти задачи, а в стандартах юридического образования развитых стран специально предусматривается стандарт оценки динамики профессионального роста выпускников!

Итак, вывод прост, ключ к высоким доходам в будущем — успешное овладение актуальными компетенциями. Причем должен быть достигнут консенсус по вопросам синхронизации компетенций, зафиксированных в программе и востребованных работодателями. В этой связи юридические факультеты должны стать открытой площадкой для сотрудничества с работодателями.

Вместе с тем экспансия компетентностного подхода не носит исключительно линейный характер привязки к прогрессивным изменениям, к экономическому росту. Напротив, в специальной зарубежной литературе данный подход увязывается с влиянием рецессии, с растущим нежеланием клиентов в США платить высокую зарплату новоиспеченным юристам, отраженную в их почасовых ставках¹⁰. В условиях усложнившихся циклических кризисов данные закономерности могут проявляться в модифицированном виде: в последние годы многочисленные юридические фирмы повсеместно объявляли отступления от традиционной модели компенсации порога для своих адвокатов¹¹.

В рамках данной статьи обратим внимание на важнейшую новую тенденцию, новый вызов: умение современных юристов работать с большим объемом информации (Big Data) предопределяет новый формат компетенций информационно-правового плана, привязку данной единицы к коммуникативным навыкам юриста, к умениям, лежащим в плоскости риск-ориентированного и проектного подходов, к умению мыслить в жестких параметрах тайм-менеджмента.

Искусственный интеллект вполне справляется с задачей соблюдения буквы права. Но вот обеспечение соблюдения духа права — это задача, непосильная для искусственного интеллекта, это прерогатива для живого труда, человеческого фактора. По справедливому мнению В. Момотова, «...система искусственного интеллекта никогда не сможет проникнуть в глубину человеческой психики,

⁸ Chomsky Is Citation Champ. // <http://news.mit.edu/1992/citation-0415> (дата обращения: 20.06.2020).

⁹ Алпатов В. Волошинов, Бахтин и лингвистика. Глава VII.1 «Хомскианская революция». URL: <http://litra.pro/voloshinov-bahin-i-lingvistika/alpatov-vladimir/read/8> (дата обращения: 15.06.2020).

¹⁰ Terri Mottershead, Sandee Magliozzio. Can Competencies Drive Change in the Legal Profession? URL: <https://digitalcommons.law.scu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1892&context=facpubs> (дата обращения: 20.06.2020).

¹¹ Heather, J. Innes. Core Competencies Legal Research, Analysis and Communication — Critical Competencies in Legal Professional Development. URL: http://www.lesaonline.org/samples/61809_01_p1.pdf (дата обращения: 15.06.2020).

искусственный интеллект может оценивать обстоятельства дела только с точки зрения формальной логики, и именно поэтому он никогда до конца не сможет понять фабулу дела, так как во многих делах, например, семейных, и особенно уголовных, очень много иррационального, а не формально-логического»¹².

Каковы модельные составные части учебного плана в контексте цифровой экономики в настоящее время? Речь идет прежде всего о магистерских программах. Полагаем, что каждый раздел учебного плана, особенно вариативная часть, обладает потенциалом для адаптации вызовов цифровой экономики. Это могут быть как новые разделы традиционных курсов, так и новые дисциплины, элективные курсы. В любом случае актуализируются вопросы более основательного изучения проблем интеллектуальной собственности, антимонопольного регулирования; права и биотехнологий; правовых аспектов геномной инженерии. Научно-исследовательские семинары по проблемам юридического сопровождения создания биотехнологических компаний, включая принципы и источники начального финансирования, нормативной среды, интеллектуальной собственности, лицензирования и практического использования биотехнологий, — это платформа для формирования профессионального мышления юристов в условиях цифровой правовой реальности.

Искусственный интеллект меняет способ работы и ведения бизнеса компаний и организаций. Возникает особый профессиональный дуализм: надо быть компетентным в секторах живого пра-

ва и в условиях автоматизации процессов предоставления юридических услуг. Как следствие, и процесс обучения должен стать по меньшей мере многогранным, нацеленным на изучение бизнеса, технологий и права искусственного интеллекта посредством заданных условий, индивидуальных и групповых задач; а также всестороннего обсуждения ключевых вопросов, выстраивания коммуникаций с работодателями, занятыми в секторах венчурного капитала; взаимодействия с экспертами в области искусственного интеллекта, робототехники.

Даже беглый обзор магистерских программ в лучших университетах мира демонстрирует востребованность элективных курсов, посвященных роли венчурного капитала в организации и развитии технологической компании с акцентом как на юридической, так и на деловой перспективе. Такие курсы перспективны с точки зрения выработки навыков синтетического, экономико-правового мышления. Такой курс может преподаваться совместно с экономистами, используя ресурсы приглашенных профессоров. Курс может содержать не только обзор отрасли венчурного капитала в целом, но и материалы, раскрывающие финансовые цели венчурного фонда в самом начале его инвестиционной активности, включая широкий круг вопросов права и экономики от организационной стадии до выхода на публичные фондовые рынки посредством IPO. Такой многогранный подход позволяет всесторонне подготовиться к вызовам цифровой экономики.

Таким образом, эра искусственного интеллекта — это существенное обновление всей образовательной парадигмы, это включение новых компонентов не только в учебные планы, рабочие программы, но и в методику построения учебного процесса. Это достойный ответ на новые технологические и экономические вызовы.

¹² Момотов В.В. Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на пленарном заседании по теме «Перспективы использования искусственного интеллекта в судебной системе Российской Федерации», г. Катар. URL: <http://www.ssrfr.ru/news/lientanovostiei/36912> (дата обращения: 20.06.2020).

Литература

1. Алпатов В.М. Волосиков, Бахтин и лингвистика / В.М. Алпатов. Москва : Языки русской культуры, 2005. 432 с.
2. Susskind, R. Tomorrow's lawyers. An Introduction to your future / R. Susskind. 2nd edition. Oxford University Press, 2017. 216 p.

References

1. Alpatov V.M. Volosikov, Bakhtin i lingvistika [Volosikov, Bakhtin and Linguistics] / V.M. Alpatov. Moskva : Yazyki russkoy kultury` — Moscow : Languages of the Russian Culture, 2005. 432 s.
2. Susskind R. Tomorrow's Lawyers. An Introduction to Your Future / R. Susskind. 2nd edition. Oxford University Press, 2017. 216 s.

Опыт борьбы с молодежным экстремизмом*

Антонян Елена Александровна,

профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор
antonyaa@yandex.ru

Милованова Марина Михайловна,

доцент кафедры криминологии Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
milovanova_marina@mail.ru

Цель. Проанализировать с учетом международного опыта и опыта отдельных государств по противодействию молодежному экстремизму, который нам демонстрирует неразрывную связь государственной молодежной политики и политики национальной безопасности. Представленный анализ имеет значение для повышения эффективности мер, направленных на противодействие молодежному экстремизму. **Методология:** статья построена на разумном сочетании общенаучного диалектического метода с правовым позитивизмом. Общественные связи и явления, их взаимодействие с научными категориями показаны в диалектическом единстве. Рассмотрение отдельного документа базируется на сравнительно-правовом позитивизме. В работе применяются научные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции. **Выводы.** Изученный международный опыт борьбы с молодежным экстремизмом демонстрирует, что принимаемые меры в странах, о которых ведется речь, по большей части носят превентивный характер. Международное сообщество подчеркивает важность молодежи как особой категории граждан, тщательным образом изучает причины и истоки возникновения экстремистских проявлений, насильственной радикализации. **Научная и практическая значимость.** Предложены рекомендации, направленные на повышение эффективности противодействия молодежному экстремизму.

Ключевые слова: молодежь, молодежный экстремизм, противодействие, радикализм, меры.

Проблема молодежного экстремизма имеет актуальность как в России, так и за рубежом. Рассматриваемый вид экстремизма в первую очередь опасен тем, что несет угрозу национальной безопасности, целостности любого государства. В связи с этим наблюдается растущий интерес во всем мире к проблеме профилактики экстремизма, особенно экстремизма среди молодежи.

Молодежный экстремизм отличается от взрослого рядом особенностей. Так, к ним можно отнести повышенную эмоциональность, учащенность конфликтных ситуаций, некритическое отношение к поступкам, хладнокровие к наступлению последствий и оценке их в последующем. По большей части молодым людям не свойственна такая интеллектуальная и информационная подготовка, как взрослым. Например, на их поведение большое влияние могут оказать идеи экстремистской направленности, различные учения. Проблема экстремизма среди молодежи с каждым годом набирает обороты, что превращает ее в одну из основных угроз современного мира.

Сегодня нельзя дать однозначные ответы на вопросы: какие конкретные факторы и причины являются преобладающими, порождающими актив-

ные всплески экстремизма среди молодежи, какую профилактическую работу необходимо проводить с данным видом угрозы, как эффективно и быстро снизить уровень экстремизма в стране?

В борьбе с экстремизмом, в том числе с молодежным, нужно применять самые жесткие и решительные меры. Важно помнить, что вопрос о связи государственной молодежной политики и национальной безопасности поставлен самой жизнью. Ставка на молодежь — давний инструмент поддержания как национального духа, так и внешней экспансии, как диалога культур, так и подрыва ценностных систем.

В качестве примера рассмотрим опыт Германии, где молодежный экстремизм достаточно широко описывается в немецкой литературе. Проблема профилактики экстремизма в данной стране государством уделено особое внимание.

В Германии ключевым критерием эффективной работы с молодыми людьми выступает государственная поддержка организаций и структур, которые занимаются образовательно-воспитательной деятельностью, проблемами молодежи, содействуют адаптации молодого поколения в обществе.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16175 «Блокчейн-технологии противодействия рискам кибертерроризма и киберэкстремизма: криминологическое исследование».

В стране выделяют основополагающие факторы, которые имеют направленность на сокращение случаев участия молодежи в неформальных сообществах и группах экстремистской направленности. К указанному можно отнести:

- формирование условий для эффективной интеграции молодых граждан в общество;
- упрощение процесса адаптации в нем;
- помощь в получении образования, а также содействие в поиске возможностей для повышения уровня квалификации;
- поддержка и содействие в построении семей;
- работа с молодыми иностранцами, детьми переселенцев, преодоление враждебного отношения молодых немцев к своим сверстникам из других стран;
- осуществление программ, направленных на обеспечение занятости молодых людей в свободное время¹.

Появление групп экстремистской направленности среди молодежи в Германии было связано с изменением структуры общества. При этом немецкое общество задалось вопросом: как реагировать на растущую агрессивность молодых людей и на появление молодежных групп, какие меры необходимо принять?

Так, в стране проводят мониторинг и анализ общественных структур в целях определения основных направлений политики. На основе полученных сведений применяют меры, которые нацелены на компенсацию недостатков интеграции (вмешательства), социализации и инкультурации (процесс освоения индивидом норм общественной жизни и культуры), что в конкретных ситуациях может принести успех.

В то же самое время указанное позволяет определять так называемые «симптомы», но вряд ли позволит пресечь развитие процесса подрастания настроенных на насилие подростков, которые ищут поддержку среди членов экстремистских групп.

На практике можно выделить несколько примеров в виде уровней интервенции (вмешательства), о возможных мерах профилактики и борьбы с молодыми преступниками и длительным насилием².

Так, различные инстанции интервенции (вмешательства) отслеживают те или иные цели, и их адресатами выступают молодые агрессивные преступники и молодые люди, которые имеют предрасположенность к сбоям в поведенческом плане, к выражению насилия и гнева в будущем.

¹ Яковлева М.А. Международный опыт в профилактике молодежного экстремизма // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Межд. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). М. : Молодой ученый, 2017. С. 162.

² Schafer-Vogel, Gundula. Gewalttätige Jugendkulturen - Symptom der Erosion kommunikativer Strukturen / пер. с нем. М.А. Яковлевой. Berlin, 2007. С. 458.

Инстанция интервенции (вмешательства) является политикой полиции, судебной и уголовно-исполнительной систем, органов образования, по делам молодежи и социальных работников, конечно же родителей, готовы включиться в процесс даже такие далекие от юридической сферы профессии, как архитекторы, планировщики и, наконец, СМИ.

Немецкое общество персонализирует проводимую им профилактическую работу на конкретных преступниках; концепция интервенции (вмешательства) механизмирует меры, предусматривающие устранение насилия в семьях, группах, сообществах, в общественных местах, молодежных центрах или на стадионах.

В Германии часто ссылаются также на переход, который направлен на модернизацию экономических и социальных условий жизни молодежи на местном, региональном или национальном уровнях. Кроме того, указывается и на необходимость индивидуальных мер в виде поведенческой терапии.

В данном случае молодые преступники как индивиды являются прежде всего объектом обширных терапевтических усилий, под терапевтами автор понимает психологов.

В качестве органов-посредников могут быть как социальные службы, так и исправительные заведения, имеющие возможность организовать соответствующую работу с молодыми преступниками, осуществлять психологическое лечение и принимать иные меры.

При появлении негативного поведения основную роль играют процессы восприятия, которые ранее были искажены. В этом случае необходимо проведение некоего тренинга по обработке когнитивных и социальных аспектов.

Поскольку избирательное восприятие и односторонняя оценка людей и действий в совокупности с ограниченными навыками разрешения проблем и действий и ведут к агрессивным реакциям, то необходимо отрабатывать восприятие чужого и своего, а также новое видение проблем, что прежде всего призвано научить чувствовать других.

Наконец, через ролевые игры должны отрабатываться новые навыки разрешения проблем и действий, для того чтобы в своей повседневной жизни человек мог лучше справляться с ситуациями. Через тренинг социальных навыков отрабатывается новое социальное поведение для постепенно усложняющихся ситуаций³.

В Германии большая роль отводится полиции, так как именно она выступает в качестве одного из самых эффективных способов профилактики насилия, в том числе молодежного, призвана прово-

³ Яковлева М.А. Указ. соч. С. 164.

дять и индивидуальную профилактику, и здесь она занимает первое место⁴.

Подобного рода меры направлены на изолирование преступников, регулярно действующих в группах. От повышения индивидуального подхода уголовного преследования также ожидается превентивное действие. На молодых преступников ориентированы также воспитательные меры, предписанные судами по делам несовершеннолетних, исправительные меры и наказания.

Молодежь — это будущее страны, так как в определенный этап времени она естественным образом заменит старшее поколение в тех или иных сферах и областях социальной жизни. Кроме работы воспитательного и разъяснительного характера наибольшим преимуществом антиэкстремистской пропаганды пользуется обнаружение основных итогов деятельности в сфере противодействия молодежному экстремизму.

На сегодняшний день достаточно хорошо известны каналы вовлечения молодежи и студентов в ячейки террористических организаций. В основном к ним относятся: социальные сети, землячества, религиозные объединения, сообщества, национальные группы и т.д. Так, указанные каналы зачастую помогают вербовать молодое поколение в радикальные и деструктивные течения исламской религии.

Страны Шанхайской организации сотрудничества (далее — страны ШОС), в частности Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан, являются донорами трудовых мигрантов для России и Казахстана. Именно образовательные и трудовые мигранты чаще всего становятся жертвами пропаганды религиозных экстремистов.

Страны Центральной Азии, к примеру, принимают ряд превентивных мер. Так, они пошли по пути запретов: запрет носить бороды, определенную одежду, религиозную символику, запрещены религиозные объединения и организации экстремистской направленности, строго контролируется содержание проповедей в мечетях, регламентируется проведение различных религиозных праздников и т.д.

Для поиска вербовщиков в ИГ в сети используется разработанная еще в 2015 г. специальная компьютерная программа («Демон Лапласа»), которая активно проводит мониторинг и анализирует экстремистские группы в Facebook, «ВКонтакте», 'Live journal' и Twitter⁵.

В отчете ЮНЕСКО «Молодежь и насильственный экстремизм в социальных медиа» 2019 г. отмечалось, что в последние годы на международном уровне наблюдается существенное распространение феномена, часто называемого «подстрекательством к радикализации в сторону насильственного экстремизма» (или «насильственной радикализацией»)⁶.

Главным образом это касается Интернета в целом и социальных сетей в частности. Наряду с повышенным вниманием к «подстрекательству к экстремизму и насилию» в Интернете, предпринимаемые попытки предотвратить это явление создали проблемы для свободы выражения мнений. Они варьируются от неизбирательного блокирования, чрезмерной цензуры (затрагивающей как журналистов, так и блогеров) и вторжения в частную жизнь — вплоть до подавления или использования средств массовой информации в ущерб независимому доверию).

По всему миру было реализовано несколько официальных и неофициальных инициатив по обеспечению медийной и информационной грамотности молодежи (далее — МИГ), в которых МИГ использовалась в качестве педагогической практики по развитию особого набора навыков, позволяющих адекватно реагировать на пропаганду гнева и мести и/или самореализации через насильственный экстремизм.

Эти инициативы также направлены на создание цифровых контраргументов, отражающих представления молодежи о себе и других, особенно с точки зрения противодействия несправедливости, дискриминации, коррупции и злоупотреблениям со стороны сил безопасности.

В связи с этим ЮНЕСКО и другие организации в 2015 г. провели мероприятия, посвященные молодежи, и с участием молодежи и журналистов с целью обсудить, как лучше бороться с экстремизмом и радикализацией⁷.

К примеру, государственный департамент США организовал несколько онлайн-семинаров для сомалийских блогеров, базирующихся в Канаде, Африке и Европе, «чтобы научить друг друга тому, как улучшить функциональность и внешний вид своих веб-сайтов, а также охватить более широкую аудиторию».

Другие программы ориентированы непосредственно на молодежь, исходя из того, что МИГ может положительно расширить возможности

⁴ Малышев В.В. Европейский опыт противодействия экстремизму // Правовая инициатива. URL: <http://49e.ru/ru> (дата обращения: 18.02.2020).

⁵ Гаджимурадова Г.И. Активизация религиозно-экстремистской пропаганды в молодежной среде: основные тренды, угрозы и вызовы. Опыт некоторых стран ШОС // Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде: материалы Всероссийского форума. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 140.

⁶ Алава Серафин, Фрау-Мейгс Дивина, Хасан Гайда. Молодежь и насильственный экстремизм в социальных медиа — Сопутствующие исследования. ЮНЕСКО. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388731> (дата обращения: 18.02.2020).

⁷ Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: <http://en.unesco.org/youth-and-intemet-fighting-radicalization-and-extremism> (дата обращения: 18.04.2020).

участия молодежи в маргинализации экстремизма, если не в его сдерживании.

Еще один проект в рамках деятельности ЮНЕСКО, который заслуживает внимания, это «Предотвращение насильственного экстремизма через расширение прав и возможностей молодежи в Иордании, Ливии, Марокко и Тунисе». В проекте указывается, что молодежь составляет почти 1,2 млрд человек в мире и, безусловно, это число будет расти. При этом по крайней мере каждый четвертый (в возрасте от 15 до 29 лет) представитель молодежи подвергается тому или иному виду насилия, в частности вовлечению в экстремизм.

Качество жизни и деятельности молодежи, их содержание во многом зависят от социальной, экономической и политической среды. Когда молодежь обеспечена возможностями, то вероятность конструктивного использования своего потенциала и активности повышается в разы. В проекте делается акцент на том, что молодежь — это важнейший блок в миростроительстве, достоянии.

Вклад в молодежь, предоставление ей различных возможностей, поддержка — это необходимые шаги в предотвращении молодежного экстремизма и борьбе с ним.

Так, в рамках указанного проекта девушкам и молодым людям в Иордании, Ливии, Марокко и Тунисе (составляющим около 60% населения) предоставляется поддержка в различных направлениях, так как рассматриваемые страны, которые относятся к арабскому региону, сталкиваются с большими проблемами, в том числе с отсутствием рабочих мест, неравенством в доходах и т.д., что создает огромные риски вовлечения брошенной молодежи в экстремизм.

На данный момент этот проект активно реализуется в указанных странах, а текущие мероприятия охватывают молодежь как городских, так и сельских районов⁸.

UNAOC (Альянс цивилизаций) недавно сосредоточил внимание на молодежи в странах Ближнего Востока и Северной Африки, продвигая инициативы МИГ в Иордании и Турции. Он также поддерживает действия через поп-культуру молодых людей, для того чтобы связаться с ними в таких местах, как Иордания и Кения⁹.

ПРООН (Программа развития ООН) организовала международный конкурс под названием 'PEACEapp' для продвижения игр и приложений в качестве места для культурного обмена, управления конфликтами и предотвращения насилия.

⁸ Prevention of Violent Extremism through Youth Empowerment in Jordan, Libya, Morocco and Tunisia. URL: <https://ru.unesco.org/node/284547> (дата обращения: 23.04.2020).

⁹ Официальный сайт UNAOC. URL: <https://www.unaoc.org/> (дата обращения: 20.02.2020).

ЮНЕСКО запустила много инициатив и проектов, связанных с МИГ, с акцентом на молодежи или с учетом молодежи, включая CLICKS — инновацию МИГ в социальных сетях, наращивание потенциала МИГ для молодежных организаций, Глобальную неделю МИГ, проект МИГ в Иордании, проект NETMED на Среднем Востоке, который, помимо прочего, дает молодым людям знания и умения МИГ для самовыражения посредством создания продуктов СМИ и участия в социальных и политических преобразованиях.

Указанная организация также оказала значительную поддержку научным исследованиям, которые привели к созданию ресурса «Возможности для МИГ» на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также к использованию МИГ как инструмента для диалога и терпимости посредством массовых открытых онлайн-курсов по МИГ (МООС) на английском и арабском языках.

Таким образом, мы видим, что на международном уровне уделяют должное повышенное внимание вопросам борьбы с молодежным экстремизмом. По большей части принимаемые меры носят превентивный характер. Международное сообщество подчеркивает важность молодежи как особой категории граждан, тщательным образом изучает причины и истоки возникновения экстремистских проявлений, насильственной радикализации. В свою очередь, для государств выступают обязанностями защита свободы молодежи, обеспечение ее безопасности, а также неприкосновенности частной жизни, даже в процессе сокращения ксенофобских подстрекательских высказываний в Интернете.

Обобщая международный опыт борьбы с молодежным экстремизмом, можно увидеть схожие проблемы, которые начинаются с деформационных процессов семейного воспитания, недостатков в системе учреждений дошкольного и школьного образования. Следовательно, основные направления политики государства, предполагающие недопущение возникновения экстремистских стремлений у молодежи, должны включать: полноценную реализацию молодежи и обеспечение этой реализации; одобрение и поощрение межкультурного диалога (развитие интереса к разным культурам); рассмотрение образования молодежи как возможность укрепления социокультурной сплоченности и формирования среды, которой чужды идеи экстремистского толка; повышение квалификации учителей (которые, помимо образовательной функции, являются носителями педагогической функции), в том числе в части знаний культур других народов.

Литература

1. Антонян Е.А. О проблемах законодательного регулирования в сфере противодействия кибертерроризму и киберэкстремизму / Е.А. Антонян, Е.Н. Клещина // Юридическое образование и наука. 2019. № 10. С. 28–31.
2. Гаджимурадова Г.И. Активизация религиозно-экстремистской пропаганды в молодежной среде: основные тренды, угрозы и вызовы. Опыт некоторых стран ШОС / Г.И. Гаджимурадова // Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде : материалы Всероссийского форума (г. Москва, 18–19 сентября 2017 г.). Москва : МГИМО-Университет, 2017. 210 с.
3. Яковлева М.А. Международный опыт в профилактике молодежного экстремизма / М.А. Яковлева // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Международной научной конференции (г. Чита, 20–23 апреля 2017 г.) / ответственные редакторы И.Г. Ахметов, Е.И. Осянина, Л.Н. Вейса. Москва : Молодой ученый, 2017. С. 160–165.

References

1. Antonyan E.A. O problemakh zakonodatelnogo regulirovaniya v sfere protivodeystviya kiberterrorizmu i kiberekstremizmu [On Issues of the Legal Regulation of Cyber-Terrorism and Cyber-Extremism Combating] / E.A. Antonyan, E.N. Kleschina // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka – Legal Education and Science. 2019. № 10. S. 28–31.
2. Gadzhimuradova G.I. Aktivizatsiya religiozno-ekstremistskoy propagandy` v molodezhnoy srede: osnovny`e trendy`, ugrozy` i vy`zovy`. Opy`t nekotory`kh stran SHOS [Stepping Up of the Religious and Extremist Propaganda in the Youth Environment: The Main Trends, Threats and Challenges. The Experience of Some SCO Member States] / G.I. Gadzhimuradova // Protivodeystvie ideologii terrorizma i ekstremizma v obrazovatelnoy sfere i molodezhnoy srede : materialy` Vserossiyskogo foruma (g. Moskva, 18–19 sentyabrya 2017 g.). Moskva : MGIMO-Universitet – Combating the Ideology of Terrorism and Extremism in the Educational Sphere and the Youth Environment : files of an all-Russian forum (Moscow, September 18 to 19, 2017). Moscow : MGIMO University, 2017. 210 s.
3. Yakovleva M.A. Mezhdunarodny`y opy`t v profilaktike molodezhnogo ekstremizma [The International Experience in Youth Extremism Prevention] / M.A. Yakovleva // Aktualny`e voprosy` yuridicheskikh nauk : materialy` III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Chita, 20–23 aprelya 2017 g.) / otvetstvenny`e redaktory` I.G. Akhmetov, E.I. Osyanina, L.N. Veysa. Moskva : Molodoy ucheny`y – Relevant Issues of Legal Sciences : files of the III international scientific conference (Chita, April 20 to 23, 2017) / publishing editors I.G. Akhmetov, E.I. Osyanina, L.N. Veysa. Moscow : Young Scientist, 2017. S. 160–165.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Досудебное производство по уголовному делу: свежий взгляд на старые проблемы

Россинский Сергей Борисович,

профессор кафедры уголовно-процессуального права

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук

sergey@rossinskiy.ru

Цель. Комплексный доктринально-правовой анализ сущности и предназначения досудебного производства (предварительного расследования) как «следственного» этапа уголовно-процессуальной деятельности, характерного для государств, входящих в континентальную (романо-германскую) правовую семью. **Методология:** диалектика, анализ, синтез, историко-правовой метод, метод сравнительного правоведения, метод системного исследования. **Выводы.** 1) Под досудебным производством в целом и предварительным расследованием в частности необходимо понимать самостоятельный этап уголовного судопроизводства, который осуществляется по уголовным делам публичного (частно-публичного) обвинения и заключается в деятельности органов дознания и предварительного следствия, направленной на обеспечение возможности формирования предмета последующего судебного разбирательства; 2) основной целью досудебного производства (предварительного расследования) является обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения (уголовно-правовой претензии) как предмета последующего судебного разбирательства; 3) базовыми задачами досудебного производства (предварительного расследования) являются: а) установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела; б) установление и привлечение к уголовной ответственности совершивших преступление лиц; в) создание условий для возможности обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства; г) создание условий для последующего рассмотрения уголовного дела по существу в судебном заседании, для обеспечения возможности возмещения причиненного преступлением вреда и т.д. **Проведенное исследование может быть полезно** ученым, студентам, аспирантам и адъюнктам, практическим работникам, а также всем тем, кто интересуется проблемами уголовного судопроизводства

Ключевые слова: досудебное производство, обвинение, предварительное расследование, предварительное следствие, предмет судебного разбирательства, уголовное преследование.

Досудебное производство является одной из системообразующих частей современного российского уголовного процесса. Оно представляет собой упорядоченную совокупность всех урегулированных Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ) публичных правоотношений, складывающихся после получения органами дознания и предварительного следствия первоначального сообщения о преступлении и до направления материалов окончательного расследования в суд для рассмотрения по существу либо до прекращения уголовного дела. Отсюда досудебное производство и получило свое наименование — то, что происходит «до суда», до начала судебного рассмотрения соответствующего уголовно-правового спора (конфликта) между сторонами обвинения и защиты.

В привычном для современного российского читателя понимании досудебное производство как обособленная часть уголовного процесса, как «следственный» этап уголовно-процессуальной деятельности — это феномен, характерный для континентальной (романо-германской) правовой доктрины и присущий правовым системам большинства европейских государств, а также их бывших азиатских, африканских и латиноамериканских колоний. Именно наличием досудебного производства со свойственными ему отдельными элементами инквизиционной формы расследования романо-гер-

манский смешанный тип уголовного процесса отличается от состязательного типа, распространенного в государствах, входящих в англосаксонскую правовую семью.

«Прародительницей» досудебного производства является «классическая» французская модель предварительного расследования, возникшая чуть более 200 лет назад и получившая свое нормативное закрепление в так называемом Наполеоновском кодексе — Кодексе уголовного следствия Французской империи 1808 г. Ввиду известных причин, позволивших Франции на рубеже XVIII–XIX вв. занять лидирующие позиции в континентальной Европе, ее самая прогрессивная на тот момент правовая система, в частности система уголовного судопроизводства, оказала колоссальное влияние на формирование и последующее развитие европейского законодательства. Более того, Наполеоновский кодекс оказался настолько удачным, настолько гармонично синхронизировался с возникшей во второй половине XVIII в. континентальной (романо-германской) уголовно-правовой доктриной, в том числе с концептуальными идеями Чезаре Беккариа, что, помимо Франции, был принят «на вооружение» и в других странах, а в некоторых из них (например, в Бельгии или Люксембурге) — с учетом ряда изменений используется по сей день.

Российский уголовный процесс тоже не стал исключением. Механизмы досудебного производства в их современном понимании были введены в действие во время известных судебных реформ Александра II и впервые получили законодательное закрепление в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. под общим названием «Предварительное следствие». В своем первоначальном варианте, просуществовавшем до 1917 г., эти механизмы имели весьма высокую степень преемственности по отношению к «классической» французской модели и заключались в деятельности судебных следователей при содействии полиции, при наблюдении прокуроров и их товарищей (ст. 249 устава). Однако в дальнейшем российская система досудебного производства ввиду целого ряда причин претерпела серьезные изменения и в настоящее время уже достаточно сильно отличается от своих зарубежных аналогов.

Предусмотренный действующим уголовно-процессуальным законом Российской Федерации порядок досудебного производства уже не сводится исключительно к проведению предварительного следствия, а предполагает поэтапное осуществление двух самостоятельных стадий — возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Последнее, в свою очередь, в зависимости от тяжести совершенного преступного деяния и ряда других правовых условий дифференцируется на дознание в общем порядке, сокращенное дознание и предварительное следствие. Вместе с тем существующая система досудебного производства, несмотря ни на какие особенности, все-таки сохраняет свои «наполеоновские» корни, свой романо-германский фундамент, чем предопределяет отнесение общей формы российского уголовного процесса к смешанному типу. В частности, основным функциональным этапом досудебного производства остается именно предварительное расследование, которое, собственно говоря, и является своеобразным аналогом дореволюционного предварительного следствия.

Стадия возбуждения уголовного дела слишком скоротечна, имеет сугубо формальный и во многом искусственный характер. А ее основное предназначение — решение вопроса о возможности «открытия» нового дознания или предварительного следствия — по сути производно от цели и задач предварительного расследования. Кроме того, современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства вообще постепенно лишают стадию возбуждения уголовного дела правовой автономности, фактически превращая ее в начальную фазу предварительного расследования, в своеобразное «квазирасследование». Например, Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ст. 144 УПК РФ были внесены дополнения, предполагающие возможность проведения

в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении целого ряда следственных и иных процессуальных действий, а также признания полученных сведений полноценными доказательствами и т.д.

Таким образом, именно предварительное расследование занимает максимальный объем и составляет основное содержание досудебного производства¹, фактически сливаясь с ним в единое целое, в некую неразделимую юридическую конструкцию. Поэтому как основополагающая цель, так и наиболее базовые задачи предварительного расследования по сути являются целью и задачами всего досудебного производства, определяя его сущность, смысл и предназначение.

И здесь невольно возникает один вопрос. Почему, несмотря на более чем 150-летнюю историю существования и развития российского досудебного производства в целом и предварительного расследования (следствия) в частности, невзирая на множество публикаций, посвященных данной проблематике, в доктрине до сих пор не выработана четкая и внятная методологическая позиция, объясняющая тот самый смысл, то самое предназначение, которыми, собственно говоря, и обуславливается необходимость в указанном этапе уголовно-процессуальной деятельности. Иными словами, не совсем понятно, почему ученые уклоняются от формулирования цели и наиболее общих задач досудебного производства (предварительного расследования), не уделяют внимания причинам, предопределяющим его существование.

В большинстве научных работ досудебная часть уголовного судопроизводства позиционируется как некая данность, правовая аксиома, как не вызывающий сомнений неоспоримый элемент деятельности, направленной на обеспечение возможности реализации уголовного закона. Например, Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин, мотивируя назначение предварительного следствия, ограничивались лишь весьма пространством тезисом, что оно заключается в достижении четкости, определенности и правовой устойчивости общественных отношений, возникающих в ходе деятельности следственных органов, устранения произвола и беззакония, обеспечения защиты прав и интересов граждан². И.Д. Перлов выражал сущность указанной стадии еще более лаконично. Он писал, что основным назначением предварительного расследования является расследование

¹ Ю.В. Деришев называет предварительное расследование основным составляющим, основной частью досудебного производства. См.: Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск : ОМА МВД России, 2005. С. 29–30.

² Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1965. С. 30.

преступлений³. Авторы одной из современных работ, посвященных досудебному производству, обосновывают потребность в предварительном расследовании необходимостью обеспечения высокого качества работы суда и вынесения справедливого приговора, а также невозможностью осуществления правосудия без предварительной досудебной подготовки материалов⁴. Подобным несколько безразличным отношением к предназначению досудебного производства и предварительного расследования характеризуются и другие публикации⁵. Что уж говорить про многочисленные учебники по уголовно-процессуальному праву, где указанные проблемы вообще обычно освещаются достаточно коротко и сжато. Кстати, отмеченный доктринальный пробел неизбежно приводит и к недостаткам законодательного регулирования. Как совершенно справедливо подмечает Ю.В. Деришев, УПК РФ не содержит какого-либо специального положения, регламентирующего назначение досудебного производства⁶.

Конечно, на первый взгляд ответ на вопрос о назначении досудебного производства вообще не предполагает никакой сложности и является очевидным. Скорее всего, любой специалист, имеющий хоть самое отдаленное представление об уголовном процессе, любой практический работник (дознатель, следователь, прокурор, адвокат, судья), не задумываясь, ответит, что данный этап направлен на максимально полное и исчерпывающее установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и позволяющих изобличить человека в совершении инкриминируемого ему преступления. Такую точку зрения прямо высказывают Н.А. Якубович, Л.Д. Самыгин, Г.П. Химичева и некоторые другие авторы⁷, а Ю.Д. Лившиц в свое время писал, что суд может самостоятельно, без помощи дознавателя или следователя собрать необходимый объем доказательственного материала, позволяющего решить вопросы, стоящие перед правосудием, лишь

по наиболее простым делам (частного обвинения)⁸. Достаточно близкой позиции придерживается и Ю.В. Деришев, выделяющий наряду с другими целями досудебного производства «консервацию» (то есть депонирование. — С.Р.) доказательств для их представления суду⁹.

В принципе все подобные тезисы представляются бесспорными и совершенно справедливыми. Маловероятно, что кто-либо из ученых станет подвергать сомнению или критиковать такие высказывания, разве что за исключением отдельных современных поборников англосаксонской системы уголовного процесса, вообще не предполагающей досудебного производства в привычном для нас понимании.

Однако они носят весьма поверхностный характер и не объясняют саму глубинную сущность затрагиваемой проблемы, саму причину, обуславливающую необходимость проведения предварительного расследования по уголовному делу. Ведь любой из приведенных доводов (потребность в установлении обстоятельств преступления, потребность собирания и депонирования доказательств для последующего судебного заседания и т.д.) парируется достаточно наивными, тем не менее вполне состоятельными вопросами-контраргументами. Почему суд самостоятельно не способен установить все имеющие значение для уголовного дела обстоятельства?! Неужели он не наделен необходимыми правовыми возможностями для полноценной познавательной деятельности? Разве суд является пассивным «накопителем» полезных сведений и не уполномочен допрашивать подсудимого, потерпевшего, свидетелей, проводить осмотры, освидетельствования, иные судебные действия, назначать экспертизы, приобщать и исследовать документы и т.д.? Безусловно способен! И не просто способен, а ввиду условия непосредственности (ч. 1 ст. 240 УПК РФ) обязан осуществлять полноценное судебное познание за исключением уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке.

Задавая подобные вопросы и отвечая на них, мы конечно представляем и даже предвидим возможные сентенции потенциальных оппонентов: дескать, в силу всей сложности, инертности, «неповоротливости» судебной процедуры, предполагающей серьезную подготовку, обеспечение одновременного присутствия множества участников и выполнение других формальных требований, суд не может оперативно среагировать на сообщение о преступлении, быстро произвести безотлагательные процессуальные действия, выявить и закрепить

³ Советский уголовный процесс. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование: учеб. пособие / под общ. ред. С.В. Бородина, И.Д. Перлова. М.: ВШ МООП СССР, 1968. С. 22.

⁴ Гаврилов Б.Я., Ильюхов А.А., Новиков А.М., Османова Н.В. Досудебное производство в уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 87.

⁵ Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие / под ред. Г.Н. Александрова, С.Я. Розенблита. М.: Госюриздат, 1955. С. 3–4; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. М.: Юрид. лит., 1970. С. 3–4; Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие: учеб. пособие. Л.: ЛГУ имени А.А. Жданова, 1984. С. 148; Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М.: Экзамен, 2003. С. 30; и др.

⁶ Деришев Ю.В. Указ. соч. С. 64.

⁷ Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия: учеб. пособие. М.: ВШ МВД СССР, 1971. С. 4; Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1989. С. 31; Химичева Г.П. Указ. соч. С. 30; и др.

⁸ Предварительное расследование (по УПК Казахской ССР): пособие для оперативных и следственных работников МООП / ред. колл.: К.К. Баялин, Э.С. Зеликсон, В.П. Кравченко, Ю.Д. Лившиц, Ш.М. Мажитов. Алма-Ата: Изд-во «Казахстан», 1967. С. 21–22.

⁹ Деришев Ю.В. Указ. соч. С. 84.

предрасположенные к утрате или изменению сведения, предотвратить вероятные попытки противодействия со стороны не заинтересованных в надлежащем исходе дела лиц и решить иные задачи, возлагаемые на органы дознания и предварительного следствия. Более того, современные гласные и состязательные механизмы судебного разбирательства в принципе не позволяют использовать фактор внезапности (например, произвести обыск), прибегнуть к помощи многих других криминалистических рекомендаций, направленных на продуктивность доказывания по уголовному делу.

Все это несомненно так. Тем не менее необходимость решения указанных задач не находится в прямой причинно-следственной связи с сущностью и предназначением досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности, не является основным фактором, детерминирующим потребность в данном этапе уголовно-процессуальной деятельности. Скорее наоборот — досудебное производство не предопределяется указанными задачами, а позволяет создать наиболее подходящие и благоприятные условия для их эффективного выполнения. В противном случае возникает еще целый ряд непонятных вопросов. Например, почему предварительное расследование не ограничивается лишь проведением неотложных следственных действий и (или) только тех познавательных приемов, которые не могут быть произведены в судебном заседании, а предполагает установление всех имеющих значение обстоятельств? Почему данный этап проводится по всем уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения, даже в случаях, не требующих безотлагательного восприятия и фиксации доказательственных сведений, использования фактора внезапности? И т.д.

Но самый главный вопрос заключается даже не в этом, а имеет более глобальный характер: почему досудебное производство не свойственно для других базовых форм реализации судебной власти, в частности для гражданского и арбитражного процессов? Конечно, любой вид судопроизводства имеет собственную направленность, что вполне закономерно обуславливает дифференциацию установленных для них правовых режимов, отличающихся друг от друга множеством процедурных особенностей. Однако в целом и уголовный, и гражданский, и арбитражный, и любой иной юридический процессы подчиняются общим фундаментальным принципам правосудия, поскольку предметом каждого из них является некий правовой спор (конфликт) и каждый из них зиждется на необходимости установления (доказывания) обстоятельств, имеющих значение для соответствующего дела. Почему же гражданский и арбитражный процессы не предполагают досудебного производства, а обходятся сугубо судебными формами и методами соби- рания, исследования, проверки и оценки доказа-

тельств? Кстати, оно (досудебное производство) не требуется и по уголовным делам частного обвинения, рассматриваемым в порядке гл. 41 УПК РФ.

Так, может быть, и для остальных категорий уголовных дел требование об обязательности досудебного производства тоже является излишним? Возможно, его существование вообще обусловлено не более чем историческими традициями, не имеет никакого позитивного смысла, а, наоборот, лишь затягивает сроки рассмотрения и разрешения уголовных дел, отнимает у государства колоссальные ресурсы и приводит к весьма серьезным финансовым затратам?

Конечно же нет! Безусловно, это совершенно не так. Досудебная фаза, а точнее предварительное расследование, представляется не просто целесообразным, а необходимым этапом любых уголовных дел публичного и частно-публичного обвинения, хотя почему-то так и не получила должного доктринального освещения. Наиболее разумная точка зрения по этому поводу высказывалась в работах С.М. Строговича. Ученый писал, что предварительное расследование направлено на обеспечение последующего разрешения уголовного дела в судебном порядке, на вынесение законного и обоснованного приговора и то же время препятствует необоснованному преданию суду лиц, не совершивших преступления¹⁰. В настоящее время подобных взглядов придерживается Ю.В. Деришев, который, помимо прочего, относит к целям досудебного производства изобличение подозреваемого (обвиняемого) в совершении инкриминируемого ему преступления и направление уголовного дела для судебного разбирательства, а также принятие иных мер для обеспечения законного, обоснованного и плодотворного правосудия¹¹.

Данные позиции, вне всякого сомнения, лежат в правильном направлении, хотя бы потому, что их авторы пытаются подчинить сущность досудебного производства последующему судебному разбирательству, так или иначе увязать потребность в проведении этого этапа с вероятной перспективой правосудия. Однако в них все-таки чувствуется некая недосказанность, незавершенность, некое стремление в последний момент уйти от самого ядра рассматриваемой проблемы и в очередной раз обосновать цели досудебного производства какими-то побочными или второстепенными обстоятельствами.

Хотя, на наш взгляд, ответ на вопрос о предназначении досудебного производства (предварительного расследования) более чем очевиден и буквально лежит на поверхности. *Потребность в его проведении обусловлена интеграцией публично-уголовного преследования с состязательным характером современного правосудия.* Кстати, данный

¹⁰ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М.: Наука, 1970. С. 40.

¹¹ Деришев Ю.В. Указ. соч. С. 84.

этап уголовного судопроизводства в привычном для нас понимании и возник примерно тогда, когда наиболее развитые буржуазные страны стали постепенно переходить к состязательным механизмам реализации судебной власти. То же самое можно сказать и об истории зарождения института предварительного следствия в Российской империи — он появился в 1864 г., одновременно с проведением судебных реформ, заложивших основу состязательного типа правосудия.

Ведь состязательная форма осуществления правосудия, как известно, заключается в рассмотрении и разрешении судом правового спора, конфликта правовых интересов между сторонами — участниками процесса (в уголовном судопроизводстве — спора между стороной обвинения и стороной защиты о возможности применения в отношении подсудимого положений Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ; далее — УК РФ). Подобный спор не может быть беспредметным; при рассмотрении любого дела суд всегда отталкивается от некоего правового требования, выдвинутого субъектом-инициатором правосудия, стороной, «звывающей к правосудию». В российском уголовном процессе роль такого субъекта-«зачинщика» выполняет прокурор (государственный обвинитель), уполномоченный на осуществление в судебном заседании публичного уголовного преследования. А отправной точкой правосудия является вносимая в суд четко сформулированная, конкретная, понятная и обоснованная позиция обвинения (обвинительный тезис) — уголовно-правовая претензия, «уголовный иск», то есть выдвинутое в отношении подсудимого утверждение о совершении им определенного, запрещенного УК РФ деяния (п. 22 ст. 5 УПК РФ). Эта позиция и становится предметом судебного разбирательства в 1-й инстанции (ст. 252 УПК РФ); она же подлежит оглашению государственным обвинителем в начале судебного следствия (ч. 1 ст. 274 УПК РФ).

В гражданском, арбитражном или ином юридическом процессе, инициируемом частным лицом, субъект-заявитель (истец) обращается за судебной защитой своих собственных прав либо представляемых прав другого заинтересованного субъекта (юридического лица, несовершеннолетнего и т.д.). Говоря образно, он пытается отстоять свое личное, «родное», «кровное», поэтому прекрасно осведомлен обо всех обстоятельствах случившегося, понимает предмет будущего судебного спора, способен сформулировать искимые требования и подготовить соответствующую юридическую претензию без каких-либо официальных расследований. Аналогичный характер имеют и уголовные дела частного обвинения, которые по аналогии с гражданскими делами возбуждаются посредством подачи потерпевшим (его законным представителем) заявления мировому судье (ч. 1 ст. 318 УПК РФ).

Публичное уголовное преследование, наоборот, ведется от имени государства специально уполномоченными субъектами, не имеющими ни к преступлению, ни к другим связанным с ним обстоятельствам никакого личного отношения. В противном случае — при возникновении ситуаций, исключающих такие объективность или беспристрастность, — они обязаны устраниваться от участия в производстве по уголовному делу либо подлежат принудительному отводу (ч. 1–2 ст. 62 УПК РФ). В отличие от, например, истца в гражданском процессе субъекты публичного уголовного преследования впервые узнают об обстоятельствах, связанных с предметом будущего судебного разбирательства только при получении устного или письменного сообщения о совершенном или готовящемся преступлении (повода для возбуждения уголовного дела). Причем эти сообщения включают лишь исходные, простейшие и, самое главное, никем не проверенные и ничем не подтвержденные сведения, не позволяющие настолько полно и объективно воссоздать все необходимые факты, насколько это требуется для обеспечения возможности формирования подлежащей внесению в суд уголовно-правовой претензии. Ввиду недостатка первичной информации (а зачастую — и явной тенденциозности заявителя) ни одно из подобных сообщений не способно дать исчерпывающих ответов на вопросы о событии преступления, о потенциальных обвиняемых, о характере и размере причиненного вреда, о других обстоятельствах, предопределенных известной древнеримской семичленной формулой познания юридически значимых фактов: «Quis? Quid? Ubi? Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando?» (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?).

Поэтому в каждом случае, предполагающем потенциальную перспективу судебного разбирательства по уголовному делу публичного (частно-публичного) обвинения, специально уполномоченные государственные органы (в современной России это органы дознания и предварительного следствия) вынуждены осуществлять полное, всестороннее и объективное познание обстоятельств, влияющих на юридическую оценку и правовые последствия содеянного. Такая деятельность позволяет им добиться своего собственного понимания случившегося, то есть либо прийти к убежденности об избличении конкретного подозреваемого в совершении конкретного преступления, сформулировать соответствующую уголовно-правовую претензию (предмет будущего судебного спора) и передать дело прокурору для инициирования судебного разбирательства, либо, наоборот, убедиться в невозможности (нецелесообразности) реализации уголовного закона и прекратить уголовное дело (преследование). *Достижению этой цели и служит досудебное производство, в первую очередь предварительное расследование.*

Кстати, весьма примечательно, что схожими механизмами характеризуются и другие формы реализации судебной власти, придающие публичный характер соответствующему правовому спору и (или) публичный статус субъекту-инициатору. В частности, гл. 28 Кодекса РФ об административных правонарушениях предусматривает так называемое административное расследование и иные познавательные приемы, осуществляемые органами исполнительной власти по делам, подлежащим рассмотрению и разрешению в суде. Прокурор, обращаясь с исковыми требованиями в порядке гражданского судопроизводства, предварительно «расследует» соответствующие обстоятельства посредством прокурорской проверки, возможность проведения которой вытекает из положений Федерального закона «О прокуратуре РФ» и т.д.

Таким образом, на основании всего изложенного *под досудебным производством в целом и предварительным расследованием в частности необходимо понимать самостоятельный этап уголовного судопроизводства, который осуществляется по уголовным делам публичного (частно-публичного) обвинения и заключается в деятельности органов дознания и предварительного следствия, направленной на обеспечение возможности формирования предмета последующего судебного разбирательства*. Все результаты, полученные в ходе досудебного производства, все выводы дознавателя (органа дознания), следователя (руководителя следственного органа) о событии преступления, о виновности лица, об иных значимых для уголовного дела обстоятельствах носят предварительный характер и в дальнейшем являются не более чем позицией стороны обвинения, «воззвавшей к правосудию», то есть инициировавшей судебное разбирательство. И поэтому они подлежат всесторонней судебной проверке и оценке судом в равной степени с доводами и аргументами стороны защиты.

Основной целью, основным предназначением досудебного производства (предварительного расследования) является обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения (уголовно-правовой претензии, «уголовного иска») как предмета последующего судебного разбирательства. Однако не следует считать формирование позиции государственного обвинения некой догматичной самоцелью, подлежащей достижению в любом случае, независимо ни от каких условий, а невозможность выдвижения подобной уголовно-правовой претензии — признавать недоработкой, «браком» в работе соответствующего дознавателя либо следователя. Указанный подход лишил бы деятельность органов предварительного расследования объективности и беспристрастности, закономерно побуждая к тому самому обвинительному уклону, о недопустимости которого постоянно го-

ворят и пишут представители самых разных слоев российского общества.

Обеспечить возможность формирования позиции государственного обвинения — это вовсе не означает обязательно сформировать подобную позицию. Обеспечить возможность — это значит подвести расследование к такой наивысшей точке, к такому кульминационному моменту, когда у «расследователя» появится достаточно полное понимание и осознание всех обстоятельств, влияющих на исход данного уголовного дела. А получится ли сформировать позицию государственного обвинения или имеющиеся сведения приведут к убежденности о необходимости принятия иного правоприменительного решения, например, постановления о прекращении уголовного дела — это уже будет зависеть от сложившейся ситуации, а также от профессионализма, правосознания, правопонимания и персональной ответственности конкретного дознавателя или следователя.

В конце концов, досудебное производство осуществляется в контексте общего, двуединого назначения уголовно-процессуальной деятельности и подчиняется ее базовым принципам, в частности законности, презумпции невиновности и т.д. И хотя разработчики Уголовно-процессуального кодекса РФ, поддавшись известным псевдолиберальным веяниям и настоятельным советам американских «гуру», в свое время допустили непростительную ошибку — отнесли должностных лиц, ведущих предварительное расследование, в первую очередь следователя, к стороне обвинения, досудебное производство фактически продолжает сохранять свою приверженность национальным традициям, в частности упраздненным теми же прозападными реформаторами принципу полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела.

Достижение основной цели досудебного производства (предварительного расследования) возможно лишь при поэтапном или параллельном решении ряда базовых задач данного этапа уголовно-процессуальной деятельности. Таковыми, на наш взгляд, являются следующие:

1. Установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Для успешного решения данной задачи органы дознания и предварительного следствия наделены целым арсеналом процессуальных полномочий, связанных с собиранием, проверкой и предварительной (следственной) оценкой доказательств. В этой связи необходимо обратить внимание, что в контексте вышеуказанной цели досудебного производства ни следователь, ни дознаватель не вправе ограничиваться лишь работой с обвинительными доказательствами; они обязаны использовать все предоставленные законом возможности для полного, всестороннего и объективного познания обстоятельств, имеющих значение

для уголовного дела. Как указал в одном из своих самых знаковых постановлений Конституционный Суд РФ, обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения¹².

2. Установление и привлечение к уголовной ответственности совершивших преступление лиц, что обеспечивается посредством публичного либо частного-публичного уголовного преследования.

3. Создание условий для возможности обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В целях надлежащего решения данной задачи законодатель уполномочивает органы дознания и предварительного следствия издавать различные «статусные» уголовно-процессуальные акты (о признании потерпевшим, гражданским истцом, о привлечении в качестве гражданского ответчика), обеспечивать участие защитника, законного представителя, переводчика, педагога или психолога, разъяснять заинтересованным лицам их права, принимать предусмотренные УПК РФ меры безопасности и т.д.

4. Создание условий для последующего рассмотрения уголовного дела по существу в судебном заседании, для обеспечения возможности возмещения причиненного преступлением вреда и т.д. Для решения подобной задачи законодатель предусматривает отдельные меры процессуального принуждения (например, наложение ареста на имущество), процедуры ознакомления заинтересованных лиц с материалами уголовного дела, наделяет обвиняемого правом по окончании расследования заявлять перспективные ходатайства (о рассмотрении уголовного дела судом присяжных, о проведении

особого порядка судебного разбирательства, о проведении предварительного слушания, о рассмотрении уголовного дела коллегией из трех федеральных судей).

Наряду с указанными задачами для досудебного производства (предварительного расследования) характерны и факультативные задачи, а именно: а) выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления; б) выявление признаков других преступлений.

Завершая настоящую статью, хотелось бы отметить, что ввиду единых закономерностей познания человеком обстоятельств объективной реальности и общих мировых тенденций, направленных на приоритет состязательных форм правосудия, как таковой феномен досудебного производства присущ любым современным правовым системам и в той или иной степени свойствен правовым системам большинства современных государств независимо от принадлежности к англосаксонской либо романо-германской правовой семье. Где-то досудебное производство является частью уголовного процесса и входит в сферу уголовно-процессуального регулирования, где-то — наоборот. Но сама по себе деятельность, направленная на обеспечение возможности формирования позиции государственного обвинения, — это необходимый этап реализации уголовного закона, без которого в принципе невозможно проведение полноценного судебного разбирательства. И на этом фоне весьма интересной представляется сформировавшаяся ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. особая, самобытная, так сказать, национальная российская система досудебного производства, которая в настоящее время предполагает интеграцию «следственных» и «полицейских» полномочий, а функцию предварительного расследования относит к компетенции «силовых» министерств и ведомств. Рассмотрению этих проблем мы планируем посвятить свои последующие публикации...

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство в уголовном процессе : научно-практическое пособие / Б.Я. Гаврилов, А.А. Ильюхов, А.М. Новиков, Н.В. Османова. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 225 с.
2. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового : диссертация доктора юридических наук / Ю.В. Деришев. Омск, 2005. 437 с.
3. Жогин Н.В. Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. Москва : Юридическая литература, 1965. 367 с.
4. Крылов И.Ф. Розыск, дознание, следствие : учебное пособие / И.Ф. Крылов, А.И. Бастрыкин. Ленинград : ЛГУ имени А.А. Жданова, 1984. 216 с.
5. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование, организация / А.М. Ларин. Москва : Юридическая литература, 1970. 224 с.
6. Предварительное расследование (по УПК Казахской ССР) : пособие для оперативных и следственных работников МООП / редакционная коллегия : К.К. Баялин [и др.]. Алма-Ата : Казахстан, 1967. 248 с.
7. Самыгин Л.Д. Расследование преступлений как система деятельности / Л.Д. Самыгин. Москва : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1989. 180 с.

8. Советский уголовный процесс. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование : учебное пособие / под общей редакцией С.В. Бородина, И.Д. Перлова. Москва : ВШ МООП СССР, 1968. 304 с.
9. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2 томах. Т. 2. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М.С. Строгович. Перераб. и доп. изд. Москва : Наука, 1970. 516 с.
10. Тарасов-Родионов П.И. Предварительное следствие / П.И. Тарасов-Родионов ; под редакцией Г.Н. Александрова, С.Я. Розенблита. Москва : Госюриздат, 1955. 247 с.
11. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности / Г.П. Химичева. Москва : Экзамен, 2003. 353 с.
12. Якубович Н.А. Теоретические основы предварительного следствия : учебное пособие / Н.А. Якубович. Москва : ВШ МВД СССР, 1971. 142 с.

References

1. Gavrilov B.Ya. Dosudebnoe proizvodstvo v ugovolnom protsesse : nauchno-prakticheskoe posobie [Pre-Trial Proceedings in a Criminal Procedure : scientific and practical guide] / B.Ya. Gavrilov, A.A. Ilyukhov, A.M. Novikov, N.V. Osmanova. Moskva : YUNITI-DANA – Moscow : UNITI-DANA, 2015. 225 s.
2. Derishev Yu.V. Ugolovnoe dosudebnoe proizvodstvo: kontseptsiya protsedurnogo i funktsionalno-pravovogo postroeniya : dissertatsiya doktora yuridicheskikh nauk [Criminal Pre-Trial Proceedings: The Concept of the Procedural, Functional and Legal Structure : thesis of LL.D.] / Yu.V. Derishev. Omsk – Omsk, 2005. 437 s.
3. Zhogin N.V. Predvaritelnoe sledstvie v sovetskom ugovolnom protsesse [Pre-Trial Investigation in the Soviet Criminal Procedure] / N.V. Zhogin, F.N. Fatkullin. Moskva : Yuridicheskaya literatura – Moscow : Legal Literature, 1965. 367 s.
4. Krylov I.F. Rozy`sk, doznanie, sledstvie : uchebnoe posobie [Search, Interrogation, Investigation : textbook] / I.F. Krylov, A.I. Bastrykin. Leningrad : LGU imeni A.A. Zhdanova – Leningrad : A.A. Zhdanov Leningrad State University, 1984. 216 s.
5. Larin A.M. Rassledovanie po ugovolnomu delu. Planirovanie, organizatsiya [Criminal Case Investigation. Planning, Organization] / A.M. Larin. Moskva : Yuridicheskaya literatura – Moscow : Legal Literature, 1970. 224 s.
6. Predvaritelnoe rassledovanie (po UPK Kazakhskoy SSR) : posobie dlya operativny`kh i sledstvenny`kh rabotnikov MOOP [Pre-Trial Investigation (Under the Criminal Procedure Code of the Kazakh Soviet Socialist Republic) : textbook for field agents and investigators of the Ministry of Law and Order] / redaktsionnaya kollegiya : K.K. Bayalin [i dr.]. Alma-Ata : Kazakhstan – editorial board : K.K. Bayalin [et al.]. Alma-Ata : Kazakhstan, 1967. 248 s.
7. Samygin L.D. Rassledovanie prestupleniy kak sistema deyatelnosti [Investigation of Crimes as a System of Activities] / L.D. Samygin. Moskva : MGU imeni M.V. Lomonosova – Moscow : Lomonosov MSU, 1989. 180 s.
8. Sovetskiy ugovolny`y protsess. Vozbuzhdenie ugovolnogo dela i predvaritelnoe rassledovanie : uchebnoe posobie [The Soviet Criminal Procedure. Criminal Case Initiation and Pre-Trial Investigation : textbook] / pod obschey redaktsiyey S.V. Borodina, I.D. Perlova. Moskva : VSH MOOP SSSR – under the general editorship of S.V. Borodin, I.D. Perlov. Moscow : Higher School of the Ministry of Law and Order of the USSR, 1968. 304 s.
9. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa. V 2 tomakh. T. 2. Poryadok proizvodstva po ugovolny`m delam po sovetskomu ugovolno-protsessualnomu pravu [Soviet Criminal Procedure Course. In 2 volumes. Vol. 2. The Order of Criminal Case Proceedings Under Soviet Criminal Procedure Laws] / M.S. Strogovich. Pererab. i dop. izd. Moskva : Nauka – revised and enlarged edition. Moscow : Science, 1970. 516 s.
10. Tarasov-Rodionov P.I. Predvaritelnoe sledstvie [Pre-Trial Investigation] / P.I. Tarasov-Rodionov ; pod redaktsiyey G.N. Aleksandrova, S.Ya. Rozenblita. Moskva : Gosyurizdat – edited by G.N. Aleksandrov, S.Ya. Rozenblit. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1955. 247 s.
11. Khimicheva G.P. Dosudebnoe proizvodstvo po ugovolny`m delam: kontseptsiya sovershenstvovaniya ugovolno-protsessualnoy deyatelnosti [Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases: A Concept of the Improvement of Criminal Procedure Activities] / G.P. Khimicheva. Moskva : Ekzamen – Moscow : Examination, 2003. 353 s.
12. Yakubovich N.A. Teoreticheskie osnovy` predvaritelnogo sledstviya : uchebnoe posobie [Theoretical Bases of Pre-Trial Investigation : textbook] / N.A. Yakubovich. Moskva : VSH MVD SSSR – Moscow : Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1971. 142 s.

Удаленное участие в заседаниях суда по гражданским делам: первые итоги и перспективы*

Самсонова Мария Витимовна,

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
msamsonova@mail.ru

Черных Ирина Ильинична,

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
ch6363@yandex.ru

Цель. Ограничения, введенные весной 2020 года в работу судов и повседневную жизнь граждан и организаций, явились катализатором активного использования информационных технологий, в том числе и в судопроизводстве. Целью работы является определение влияния онлайн-формата судебного разбирательства на принципы устности и непосредственности на основе анализа первого опыта российских и зарубежных судов по проведению удаленных слушаний гражданских дел. **Методологическую основу** исследования составили апробированные научные методы: сравнительно-правовой, системный, логический, анализа и синтеза, также предложен новый подход, основанный на диалогическом методе гуманитарных наук, подразумевающий междисциплинарный диалог между различными областями научных знаний — психологии, социологии, юриспруденции. **Делаются выводы о том,** что 1) гарантии принципов устности и непосредственности в гражданском процессе ослабевают при проведении судебного разбирательства онлайн; 2) онлайн-судебные разбирательства приемлемы в качестве альтернативы по отношению к обычному регламенту рассмотрения и разрешения гражданских дел и способны выполнять задачи судопроизводства в чрезвычайных ситуациях; 3) необходимы дополнительная регламентация процессуальных отношений и разработка технологических регламентов, обеспечивающих соблюдение основополагающих принципов гражданского процесса при удаленном разбирательстве. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование позволило предложить ориентиры и критерии для учета при совершенствовании процессуального законодательства о проведении онлайн-заседаний суда, также осмыслить всеобщность проблем и потребностей судебной защиты прав в гражданском судопроизводстве в мировых масштабах в условиях непредвиденных чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: онлайн-правосудие, онлайн-судебное заседание, дистанционное рассмотрение гражданских дел, принцип устности, принцип непосредственности, судебная коммуникация, информационные технологии в гражданском судопроизводстве.

1. В период пандемии COVID-19 вопрос об электронных формах ведения гражданского процесса получил максимальное внимание юридического сообщества. Особенно примечательно, что обмен мнениями и опытом юристы зачастую осуществляли в онлайн-режиме, что удивительным образом соединило «онлайн» как предмет исследования и как средство для его осуществления. На одной из научных онлайн-конференций условия пандемии были названы стресс-тестом для правосудия. Выявленные проблемы, разноуровневые и разномасштабные по своему характеру, требуют целенаправленного поиска практичной, оптимальной, удобной для участников судопроизводства процессуальной формы применительно к самой важной части судопроизводства — судебному заседанию.

Как ни странно, векторы развития судебных систем во всех странах мира в XXI в. стали похожи. И во многом это обусловлено развитием информационных технологий, которые не считаются с наличием границ, спецификой источников права, особенностями и традициями процессуальных правил разных государств. Они диктуют перемены. Все правовые порядки озабочены поддержанием доверия общества к правосудию.

Одной из парадигм развития судебных систем является оптимизация судопроизводства за счет внедрения информационных технологий, в том числе для организации дистанционного взаимодействия спорящих сторон с судом.

Возможность совершения процессуальных действий удаленно является революционным шагом, поскольку нарушает сложившееся представление

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16060 за 2019 год «Влияние цифровых технологий на гражданское и административное судопроизводство» при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

о необходимости контакта участников процесса с судом «лицом к лицу». Из-за вторжения информационных технологий в отношения между судом и сторонами появилась четвертая сторона — информационная система, которая обеспечивает возможности удаленного доступа к суду, включая подачу документов, получение уведомлений от суда, участие в судебных заседаниях и др.¹

Интенсивность внедрения технологий в разных странах, конечно, различна, как и отношение юридического сообщества к ним. Не удивительно, что отношение к нововведениям весьма осторожное, и только упорное «приучение» и «воспитание» грамотного в цифровом плане пользователя дает результат, меняет в положительную сторону восприятие новых технологий в консервативном юридическом мире. Пандемия 2020 г., захлестнувшая весь мир, вынудила юристов по-иному взглянуть на судопроизводство и технологии и признать их, поскольку только с их помощью оказалось возможным обеспечить функционирование правосудия. Обеспечение доступа к правосудию в чрезвычайных условиях стало насущной задачей абсолютно для всех стран. И это объединяет все мировое юридическое сообщество, опыт и достижения в использовании технологий представляют интерес для всех. Поэтому очень ценны результаты первых исследований использования удаленных (дистанционных, онлайн) технологий в судопроизводстве различных стран.

Во многих странах высшие судебные органы в условиях ограничений в передвижении рекомендовали продолжить работу судов с использованием технологий удаленного доступа. В зависимости от имеющихся на тот момент в распоряжении судов информационных платформ эта коммуникация стала осуществляться либо на этих платформах, либо с использованием частных систем, таких как Zoom, Skype, WebEx, Microsoft Teams и др. Для работы с указанными системами были оперативно подготовлены подробные инструкции, регламенты, руководящие принципы и т.д. Эти документы несомненно интересны и полезны для изучения. И в целом они универсальны, поскольку содержат ответы на вопросы, возникающие в работе суда любого государства.

На данный момент (июнь 2020 г.) в ряде стран уже проведены первые исследования и обнародованы некоторые результаты. Национальный судебный колледж **США** (The National Judicial College) провел в мае 2020 г. опрос судей о том, какие использовались платформы для проведения удаленных судебных заседаний и какова первая их оценка. Среди опрошенных 702 американских

судей явными победителями были Zoom с 48% и WebEx с 25%. Другое (10,54%), Skype (9,69%), Microsoft Teams (9,12%), GoToMeeting (6,13%), Google Hangouts (3,85%), BlueJeans (3,56%), CourtCall (3,13%) и Adobe Connect (0,14%). Упомянутыми «другими» платформами были Star Leaf, Vido, Whereby, Uberconference, Free Conference Call, Jabber, Call Bridge, Polycom, виртуальная комната для собраний, Amazon Chime, Lifesize, Avaya и Scopia. Судьи отметили достоинства Zoom, поскольку эта система позволяет участникам входить в отдельные комнаты для конфиденциального разбирательства, слушания могут быть записаны и сохранены, обеспечивается «большой доступ к системе правосудия», и участникам это даже более удобно, чем если бы они находились в зале суда².

До недавнего времени видеоконференции в гражданских или уголовных судах **Австрии** разрешались только в исключительных случаях. Видеоконференц-связь могла использоваться в гражданских судах в определенных случаях для заслушивания доказательств или в уголовных судах в контексте устных показаний свидетелей или потерпевших, нуждающихся в особой защите. Однако из-за пандемии COVID-19 эти правила были изменены. Видеотехнология может теперь использоваться для проведения судебных слушаний по гражданским делам при условии, что участвующие стороны в процессе согласны и имеют доступ к соответствующему оборудованию, допускается заслушивание свидетелей, экспертов, переводчиков и других лиц. Эти правила будут действовать в течение ограниченного периода до 31 декабря 2020 г. Однако обратная связь от юридического сообщества после нескольких недель работы не очень обнадеживает. Судебные слушания по видеоконференции воспринимаются с большим скептицизмом не только из-за отсутствия прямого межличностного контакта, но и из-за видимой потери эффективности, вызванной отклонением от стандартного хода судебного заседания (прежде всего из-за трудностей со свидетелями и экспертами). Кроме того, согласно австрийскому законодательству, все судебные слушания по гражданским и уголовным делам должны быть открытыми. Поэтому судьям было рекомендовано проводить любые видеослушания из публичного зала суда. Первоначальная обратная связь от юридического сообщества заключается в том, что судебная власть рассматривает видеоконференции как временное решение во время пандемии COVID-19, но не видит большого будущего для процесса³.

¹ Самсонова М.В., Черных И.И. Условия эффективности использования информационных технологий в гражданском судопроизводстве // Проблемы управления (Минск). 2019. № 2 (72). С. 91–101.

² URL: <https://www.judges.org/news-and-info/two-platforms-dominated-in-our-poll-of-virtual-court-operations/> (дата обращения: 28.06.2020).

³ URL: <https://www.upskillinglawyers.com/remote-courts-in-austria/> (дата обращения: 28.06.2020).

Испания также демонстрирует опыт рассмотрения различных дел, когда стороны (адвокаты) находятся у себя в офисах. В судебном заседании, проводимом через Skype Business, юристы смогли выступить и представить свои аргументы из своих офисов, в то время как судья и адвокат другой стороны находились в суде. Одна из сторон смогла представить документ, относящийся к делу, разрешив просматривать его другой стороне и судье, который посчитал его правильно представленным, хотя он запросил его передачу в суд. По мнению отдельных судей, такая видеосистема идеально подходит для проведения слушаний в тех простых процедурах, при которых документальные доказательства обычно ограничиваются самими материалами дела и в которых явка свидетелей обычно не происходит или свидетелей мало. Кроме того, возможность удаленного участия в судебных заседаниях позволяет сократить расходы сторон на проезд и ожидание без дополнительных затрат для государства⁴.

По мнению испанских юристов, заявления сторон, свидетелей и экспертов при удаленном участии требуют более тщательного отношения. Процессуальные правила должны гарантировать установление личности удаленного участника и то, что его допрос проводится без внешних воздействий. Для этого можно было бы использовать возможности удаленного доступа в самих судах, либо в других государственных учреждениях, либо в частных, в зависимости от того, где будут использоваться технические средства для их доступа (компьютер, веб-камера, Интернет). Можно также предусмотреть, что за совершением этих действий будут следить назначенные судом сотрудники либо следует рассмотреть вопрос о расширении прав и возможностей других должностных лиц⁵.

В период пандемии в **Германии** суды использовали Cisco WebEx или Polycom, Zoom или Jitsi, Microsoft Teams / Skype для бизнеса). Ситуация с удаленными судебными слушаниями в Германии неоднозначна. С одной стороны, уже в 2002 г. были приняты нормы, позволяющие проводить судебные слушания с использованием технологии видео-конференц-связи, но данная возможность практически не использовалась. Согласно действующим процессуальным правилам все дела должны рассматриваться в помещениях со свободным доступом для общественности. Неспособность обеспечить публичный доступ являет-

ся абсолютным основанием для отмены решения. Принцип публичного доступа к судебным слушаниям имеет настолько фундаментальный характер, что суды могут исключать публику только в исключительных случаях. Кризис COVID-19 вызвал дискуссию о том, допустимо ли исключать общественность в целях обеспечения безопасности здоровья. Высказываются мнения, что COVID-19 недостаточно для оправдания исключения на этой основе. Поэтому суды должны следить за тем, чтобы залы судебных заседаний оставались доступными для общественности, даже если слушания проводятся через удаленный доступ для адвокатов и сторон⁶.

Интереснейшие результаты исследования представили английские ученые о влиянии мер против COVID-19 на систему гражданского правосудия в **Англии**⁷. Ими был проведен опрос 1077 человек, принявших участие в дистанционных слушаниях, из них 871 были юристами. Данные были собраны по результатам проведенных 480 слушаний с 1 по 7 мая 2020 г. В отчете отмечается, что почти половина участников слушаний испытывала технические трудности: в 44,7% слушаний респонденты сообщили, что были проблемы с используемой технологией. Обобщая 89-страничный отчет английских коллег, для целей настоящей статьи ценными видятся следующие выводы:

- использование дистанционных слушаний предпочтительно для промежуточных заседаний, дел, результаты рассмотрения которых вероятно не будут оспариваемы, и дел, в которых представлены обе стороны;
- большинство респондентов считают, что дистанционные слушания в целом хуже, чем личные, и менее эффективны;
- дистанционные слушания более утомительны, чем физические слушания, особенно при использовании видеосвязи;
- дистанционные слушания затрудняют понимание реакции судьи на сказанное сторонами;
- непрофессиональные участники отметили недостаточную поддержку со стороны сотрудников суда, затруднительность в использовании технологий и устройств, что сочетание ограниченного доступа к юридическим консультациям из-за COVID-19 и трудностей в навигации по незнакомым технологиям, наряду с неизвестными юридическими процедурами, усиливает эмоциональные барьеры для эффективного участия в судопроизводстве;
- отсутствовала подробная информация о доступе посторонних лиц в судебные заседания; до-

⁴ URL: https://diariolaley.laleynext.es/Content/Documento.aspx?params=N4sIAAAAAAEAFXMsQ7CIBQF0L9hNA9S4_Qm6-oinQ2VixIrj0Bp2r9XFxP3kxO95_OJilwUNeRWB1Bq1MSGDNFea5XEw_ZHbskjaxATJTfsvdzslsHBTRUKo8jzb7r-BjdWmdqMoUS2pUFl4eVy8MV8KdpL6RZdq7m9Q1Jb87gjwAAAA==WKE (дата обращения: 28.06.2020).

⁵ URL: https://cincodias.elpais.com/cincodias/2020/05/08/legal/1588944202_041696.html (дата обращения: 28.06.2020).

⁶ URL: <https://www.zpoblog.de/service/128a-technik-bundeslaender/> (дата обращения: 28.06.2020).

⁷ URL: <https://www.judiciary.uk/wp-content/uploads/2020/06/CJC-Rapid-Review-Final-Report-f.pdf> (дата обращения: 28.06.2020).

ступ для представителей общественности, юридических блогеров был более проблематичным;

— применялись разные критерии для отложения судебных слушаний;

— одним из судей было обращено внимание, что длительные слушания и те, которые связаны с высоким уровнем эмоций, труднее проводить удаленно, необходим учет ситуаций, когда сторона, осуществляющая уход за детьми, принимала участие в слушаниях из дома.

В целом проведенное исследование является отличным примером вдумчивого отношения к инновациям, позволяющим выяснить реальные потребности и отношение участников судопроизводства.

Не меньший интерес для изучения ситуации с обеспечением удаленного участия в судебных заседаниях представляют суждения австралийских судей, например решения судов **Австралии** по делам *JKC Australia LNG Pty Ltd. v CH2M Hill Companies Ltd.*, *ASIC v GetSwift Ltd* и *Capic v Ford Motor Company of Australia Ltd*. В этих делах обсуждались просьбы о приостановлении судебных процессов на несколько недель из-за COVID-19. Помимо прочего, эти суды проанализировали проблемы, связанные с потерей подключения к Интернету во время допроса, недоступностью компьютерных средств или достаточных знаний для подключения, потерей непосредственного взаимодействия между судьей, адвокатами и другими участниками, трудности при осуществлении защиты — публичное слушание дела, консультации и выставление документов во время судебного разбирательства, а также риск того, что свидетели или эксперты могут быть проинструктированы или им будут оказаны помощь / давление во время их выступления. Австралийские судьи пришли к выводу, что эти проблемы не являются непреодолимыми и не препятствуют проведению судебного разбирательства с должными гарантиями через Zoom, Skype, Teams или WebEx. Судьи посчитали, что трудностей можно избежать путем использования технических средств (Dropbox), адекватной подготовки и планирования различных тестов, а также гибкого и терпеливого отношения к возникающим сложностям⁸.

В отчете DLA Piper (международной юридической фирмы, практикующей в странах Америки, Европы, Ближнего Востока, Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона), помимо уже отмеченных достоинств и недостатков применения удаленных слушаний, указывается на проблемы, которые возникают при трансляции судебных заседаний в Youtube, что исключает в дальнейшем возможность удаления данной информации, не обеспе-

⁸ URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2020/2020fca0486> (дата обращения: 28.06.2020).

чивается контроль за ее распространением и использованием. Кроме того, используемая платформа Zoom позволяет принять участие в слушаниях ограниченному числу лиц, что ставит под сомнение справедливость принятого решения⁹.

2. В Российской Федерации ограничения, введенные весной 2020 г. в работу судов и повседневную жизнь граждан и организаций, явились катализатором активного использования информационных технологий, в том числе и в судопроизводстве. В системе арбитражных судов, наряду с видео-конференц-связью, информационная система «Мой арбитр» предоставила участникам судебных разбирательств возможность удаленного участия посредством онлайн-заседаний. В судах общей юрисдикции ситуация иная: отсутствует техническая возможность обеспечить удаленное участие в судебном заседании на базе используемых в судах информационных платформ (только в московских районных судах, где внедрена КИС СОЮ, заявлена такая возможность). В связи с этим Верховным Судом РФ была дана рекомендация судам с учетом опыта Верховного Суда РФ проводить судебные заседания с использованием системы веб-конференции¹⁰. В качестве такого опыта было предложено использовать платформы Zoom, Skype.

В настоящее время цивилистические процессуальные кодексы допускают лишь одну технологию дистанционного участия в судебном заседании — посредством видео-конференц-связи (далее — ВКС), обеспечиваемой судом по месту жительства, пребывания или нахождения участника разбирательства¹¹. Согласно указанным нормам, лицо, участвующее в деле, или свидетель, эксперт, специалист-переводчик должны явиться в суд по месту своего нахождения. Суд, обеспечивающий участие указанных лиц посредством ВКС, устанавливает их личность, разъясняет права, обязанности и берет подписку об ответственности за их нарушение. Идентификация участников и предоставление всем равной технической возможности удаленного участия — это ключевые задачи, которые решаются государством в рамках установленной процедуры. Разразившаяся пандемия выявила недостаточность, скорее, непригодность данной модели в сложившейся ситуации.

Техническая природа проблем онлайн-заседаний тесным образом сращена с природой процессуальной. Поэтому необходимы исследования их

⁹ URL: <https://www.dlapiper.com/en/uk/insights/publications/2020/05/virtual-hearings-report/> (дата обращения: 28.06.2020).

¹⁰ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2020 г. № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Ст. 155.1 ГПК РФ, ст. 153.1 АПК РФ, ст. 142 КАС РФ.

взаимного влияния и взаимной обусловленности. В частности, предстоит решить конкретные вопросы о технической оснащённости судов и обеспеченности участников процесса техническими устройствами для участия в онлайн-заседаниях в контексте проблемы доступа к правосудию. Вопрос о всеобщем уровне цифровой грамотности населения и в целом цифрового равенства увязывается в процессе с вопросом о соблюдении процессуального равноправия сторон. Отдельное направление исследования — вопросы идентификации участников процесса, разработка технических стандартов, предъявляемых к устройствам и сервисам, позволяющим определять личность участника, контроль за ними, обеспечение информационной безопасности судопроизводства. Это направление обостряет постановку вопроса о соотношении участия государства и частного сектора в обеспечении цифровизации правосудия. И, конечно, одним из центральных вопросов в ракурсе обозначенной проблематики является деятельность по доказыванию. Этот ключевой аспект судопроизводства вызывает максимальное количество сомнений и опасений с позиций соблюдения гражданской процессуальной формы осуществления правосудия по гражданским делам.

Даже не полностью перечисленные «узкие места» онлайн-правосудия заслуживают постановки вопроса о поиске измерительных параметров, пригодных в качестве критериев оценки использования информационных технологий при законодательном закреплении порядка проведения онлайн-судебных заседаний. Самой устойчивой правовой категорией, способной отвечать за сохранение целостности базовых ценностей правосудия по гражданским делам, вне сомнений, следует считать принципы, лежащие в основе регулирования гражданских процессуальных отношений. Нужно думать о совершенствовании механизмов реализации принципов гражданского процесса и обеспечении их гарантий, но не изменять их основную идею¹².

3. В контексте изучения возможностей онлайн-правосудия в центре внимания оказываются **принципы устности и непосредственности** судебного разбирательства. Это не произвольный выбор. Устность определяет внешнюю форму подачи значимой по делу информации субъектами доказывания, а непосредственность характеризует способ восприятия ее судом.

На современном этапе исследователи отмечают общемировую тенденцию в судопроизводстве на уменьшение удельной доли устности и непо-

средственности судебного разбирательства в пользу его письменности¹³. Упрощенное производство в гражданском процессе многими подвергается критике, отмечается высокая вероятность нарушения принципов. Это обусловлено именно сложностью коммуникации участников процесса с судом. На плечи тяжущихся лег труд по обоснованию правовой позиции в письменной форме, и, не имея знаний и навыков в области права, сделать это весьма затруднительно. Исследования в области мозгового обеспечения поведения убедительно демонстрируют, что навыки оказываются развитыми только у тех людей, которые в силу специфики своей деятельности добиваются специализации нейронов мозга¹⁴. Очевидно, письменная коммуникация сторон с судом вызовет затруднение у подавляющего большинства людей и ни в коем случае не должна являться единственной. Суду тоже удобнее взаимодействовать со сторонами именно в устной форме при совершении ряда действий, в частности, при проведении подготовки, при уточнении обстоятельств дела, разъяснении прав и обязанностей, распределении ролей в доказывании и т.п. Самое важное, что суд утрачивает возможность основывать свои решения, как писал Ю.С. Гамбаров, «на живом впечатлении, получаемом от непосредственных отношений сторон как между собой, так и с ним, а равно и на прямом наблюдении всех особенностей каждого отдельного случая»¹⁵.

Предвидим вопрос: как начало устности нарушается в ходе рассмотрения дела онлайн? Следует признать, что внешнее отступление от принципа устности отсутствует. Но составляющая гражданский процесс коммуникация должна и по своим внутренним характеристикам обеспечивать возможность удобного и эффективного взаимодействия при осуществлении правосудия. Поэтому очень важно не только не нарушить принцип, но и не допустить ослабления его законных гарантий. И.М. Резниченко, характеризуя познавательную деятельность суда, отмечал, что информация, извлекаемая из доказательств и сообщаемая в судебных прениях, воздействует на суд по механизмам информирования, убеждения и внушения¹⁶. В отношении обеспеченности этого механизма воздействия как раз и возникают некоторые опасения.

Успех судебных коммуникаций зависит от огромного количества факторов. Прежде всего

¹³ Пономаренко В.А. Гражданский процесс как информационная система (содержательно-коммуникативный аспект) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 10. С. 3–8.

¹⁴ Александров Ю. Мозг и культура. 1-я лекция. URL: https://tvkultura.ru/anons/show/episode_id/596615/brand_id/20898/ (дата обращения: 28.06.2020).

¹⁵ Гражданский процесс. Курс лекций, читанных Ю.С. Гамбаровым. 1894–95 ак.г. // Гражданский процесс : хрестоматия / под ред. М.К. Треушников. М., 2005.

¹⁶ Резниченко И.М. Функциональные принципы гражданского процесса: Правовые и психологические аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1989, С. 32.

¹² См., напр.: Кудрявцева Е.В. Внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство // Закон. 2011. № 2. С. 51; Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве. 2017. С. 105; и др.

имеется в виду познание судебное. Если расширить рамки понятия, выйдя за пределы исключительно юридические¹⁷, то нужно признать, что познающий субъект постигает явления через все возможные не когнитивные феномены духовной активности, такие как сострадание, жалость, тоска, дружба и др. С их учетом формируются и когнитивные познавательные возможности психики, характеризующие ощущения, восприятия, суждения, умозаключения. Излишне обосновывать утверждение о том, что познавательные возможности у конкретных судей различны, не столько в силу уровня профессионализма, сколько в силу индивидуальности личности. Психолог В. Дашевский различает типы судей. В его «коллекции» есть «тетенька в вязаной кофточке», «шутник-балагур», «судья-хам», «молодой юрист», «судья-профессионал», режиссерский тип, менторский тип, статусный тип¹⁸. Психолог снабжает рекомендациями специфику взаимодействия с судьей соответствующего типа. Как, спрашивается, возможно выстроить коммуникации с учетом таких особенностей судьи без личного контакта?

Между тем опыт нескольких недель работы судебных юристов Москвы в период пандемии, успевших воспользоваться возможностью участия в судебных заседаниях в режиме онлайн, позволяет подвести промежуточные итоги и сделать некоторые осторожные предположения относительно перспектив развития такой формы проведения заседаний.

Так, многие респонденты отметили, что при проведении процесса посредством ВКС, с использованием программно-аппаратных средств конкретного суда, изображение участников дела на фоне судебного зала обычно выглядит маленькой фигуркой. Серьезной проблемой для тяжущихся в таких условиях становится отслеживание и распознавание реакции судей на доводы или выступления процессуальных оппонентов. Использование иных платформ типа Zoom, Skype, Google Meet и др. позволило отображать лица участников на экране компьютера крупным планом. Делясь впе-

чатлениями от такого формата заседания, один из адвокатов указал, что заседание началось не сразу — председательствующий судья в чате на экране проинформировал, что оно скоро откроется, и сделал это только после того, как убедился в работоспособности всех систем¹⁹. Следует обратить внимание на возможность письменного онлайн-взаимодействия суда с участниками в таких заседаниях, что, вне сомнений, является неурегулированным способом процессуальной коммуникации. Отдельные юристы отмечали недостатки конфигурации выбранного ракурса видеоканера. Так, в одном из заседаний было видно лишь судью и секретаря, оппонентов камера не захватила. Такой вариант визуального охвата совершенно неприемлем с позиций обеспечения принципа устности, имеющего в своем содержании такую ценностную составляющую, как возможность для суда осуществлять наблюдение за взаимодействием спорящих сторон.

Юридическая лингвистика использует термин «речевое поведение» для исследований судебных коммуникаций. Отмечается, что с внеязыковой стороны он определяется социально-психологическими условиями осуществления языковой деятельности²⁰. Такие условия при рассмотрении дела онлайн и в обычном судебном разбирательстве существенно различаются. Стороны вынуждены избирать иные коммуникативные стратегии. В частности, в онлайн-заседании вряд ли получится перебивать оппонента, поскольку два и более голоса в трансляции воспринимаются намного хуже, чем в реальной жизни, и у участников процесса таким образом не остается шансов быть услышанными. В определенной мере этот дисциплинирующий эффект позволяет минимизировать деструктивные речевые поступки типа агрессии, обмена колкостями, использование тактики дискредитации своего противника, манипулирование собеседником. По мнению некоторых опрошенных судей, стороны выступают компактнее, меньше по времени, в целом речь более формальна. Этот эффект может быть объяснен через феномен самонаблюдения. В данном случае самонаблюдение еще и визуализируется. Выступающее в судебном заседании лицо видит себя на экране компьютера, непосредственно воспринимая собственные переживания, ему трудно как будто со стороны наблюдать свои же эмоции, следствием чего является стремление говорить без эмоциональной окраски.

Полагаем, для судьи, рассматривающего дело, этот эффект имеет как плюсы, так и минусы.

¹⁹ Гончарова Т. Опасения снижения эффективности при дистанционной судебной защите оказались напрасными. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/opaseniya-snizheniya-effektivnosti-pri-distantsionnoy-sudebnoy-zashchite-okazalis-naprasnymi/> (дата обращения: 28.06.2020).

²⁰ Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: КомКнига, 2005. С. 12.

¹⁷ Современная наука «юриспруденция» сегодня немыслима вне контекста социального и экономического развития общества. В изолированном виде ее авторитет как инструмента, призванного обеспечивать основы правовой стабильности и определенности в гражданском обороте, в значительной степени оказывается подорванным в силу еще неокончательно оцененных эффектов развития технаук и вызовов, брошенных ею. В этой связи между гуманитарными, социальными, естественными и техническими науками необходимы постоянный и динамичный обмен информацией, постановка вопросов и поиск ответов, обмен сообщениями, взаимное обогащение специфическими методами познания и т.д. Подобная установка способна открыть путь к более объективным результатам и стать эффективным методологическим инструментом научного познания. Полагаем, уместно ставить вопрос о необходимости теоретического обоснования метода междисциплинарного диалога как продуктивного варианта познания реальности.

¹⁸ URL: https://www.facebook.com/lawyercom.ru/?tn-str=k*F

Несомненным плюсом является сконцентрированность стороны на существенных моментах своей правовой позиции. Однако преуменьшать убеждающее значение эмоциональной составляющей выступления не следует. Кроме того, суду сложнее выявить ложь в объяснениях. Стороны, как правило, обращаются в суд в состоянии крайней накаленности конфликта, они прибегают к использованию любых способов доказывания своей правоты. И, хотя лицо осведомлено уже о своей неправоте, нет средств, при помощи которых можно добиться желанной цели, у него в запасе остается распространенный вариант поведения в суде — представление ложных объяснений²¹. В социальной психологии говорят о принципе последовательности в управлении людьми. В самом схематичном виде его идея выглядит так: человек может так упорно поддерживать свой образ, что действовать вопреки своим истинным интересам и потребностям²². Обнаружение такой мотивации противоположной стороной может стать инструментом манипуляции. Суду совершенно необходимо отслеживать искажения в волевых сферах субъектов процесса и пресекать такие методы давления тяжущихся друг на друга, в особенности если сторона таким образом вредит себе, препятствуя завершению дела миром.

Сомнительна в онлайн и достаточная степень реализации потенциала взаимодействия стороны со своим представителем. Один из адвокатов отметил, что онлайн-заседания не заменяют настоящий живой процесс: «Отстраненность мешает, “накал страстей” не тот, элемента неожиданности нет, меры психологического воздействия ограничены»²³. В одном из интереснейших определений австралийского судьи, опубликованном на сайте Федерального суда Австралии, судья отказал в отложении судебного заседания вопреки возражениям ответчика против онлайн-рассмотрения дела. Всесторонне проанализировав плюсы и минусы такого формата, судья, в частности, отметил понимание очень важного момента — технология видеосвязи имеет тенденцию уменьшать «химию», которая может возникнуть между адвокатом и участником процесса²⁴. Подобная «химия» важна и между судьей и сторонами.

Большинство юристов выражают надежду на то, что судебные заседания в дистанционных ус-

ловиях вошли в нашу жизнь «окончательно и бесповоротно». Поэтому нужно совершенствовать навыки онлайн-выступлений и коммуникативно-речевые компетенции юриста. Судебные лингвисты подчеркивают, что требования к языковым средствам для представления речи в суде не остаются неизменными на протяжении разных эпох. Ораторы, выступавшие в суде в дореволюционной России, во время выступления перед судом использовали стиль речи «как говорят писатели с публикой». В советский период наблюдалось господство языка закона, речи, лишенной излишеств, употребление клише, стандартизированных фраз и речевых конструкций. Судебные реформы нашего времени показывают необходимость яркой и образной речи, характеризующейся также тщательным анализом материала, опорой на нормы права, соответствием нормам литературного языка²⁵. Цифровизация, как масштабное социальное явление, возможно, принудит судебных юристов искать новые коммуникативные стратегии представления правовой позиции в формате удаленного участия в судебном заседании.

Второй принцип гражданского процесса, судьбу которого необходимо обсудить, это принцип непосредственности. Аксиоматичным является понимание данного принципа как базового начала, определяющего правила восприятия судом доказательственного материала лично судом (судьей) в ходе судебного заседания. Исключения из данного правила минимальны. В современном российском гражданском процессе это судебные поручения, обеспечение доказательств нотариусом, осмотр на месте и допрос свидетеля по месту нахождения. Во всех остальных случаях процесс восприятия доказательств осуществляется судьей в зале судебного заседания.

Что обеспечивает данное правило? Во-первых, восприятие информации, содержащейся в доказательствах, без искажения, «из уст в уста» (для этого исключены посредники в ее передаче суду). Во-вторых, обеспечивается нейтральная среда, в которой происходит восприятие информации за счет регламентированного законом порядка исследования доказательств, в зале судебного заседания. В-третьих, личный контакт с источником информации (будь то свидетель или письменное доказательство) позволяет судье устранить всякие сомнения относительно его достоверности и содержания. В-четвертых, позволяет судье установить, от кого исходит данная информация.

²¹ Медведев И.Р. Проблемы повышения достоверности объяснений сторон // Российская юстиция. 2006. № 8. С. 46.

²² Cialdini, Robert B. Influence. Science and Practice, 4th ed., 2001. P. 44.

²³ Коробка Е. Адвокаты и юристы рассказали «АГ» о своих впечатлениях от судебных онлайн-заседаний. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-i-yuristy-rasskazali-ag-o-svoikh-vpechatleniyakh-ot-sudebnykh-onlayn-zasedaniy/> (дата обращения: 28.06.2020).

²⁴ URL: <https://www.judgments.fedcourt.gov.au/judgments/Judgments/fca/single/2020/2020fca0486>

²⁵ Землякова Н.В., Гарбовская Н.Б. Образные средства языка в выступлениях судебных ораторов как один из приемов эффективной коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraznye-sredstva-yazyka-v-vystupleniyah-sudebnyh-oratorov-kak-odin-iz-priemov-effektivnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 28.06.2020).

Что происходит с этими правилами при проведении судебных заседаний в дистанционном формате? Поскольку полноценное исследование обозначенных вопросов реализации принципа непосредственности можно провести лишь на основе значительного эмпирического материала, включая опросы судей, адвокатов, юристов, непрофессиональных участников судопроизводства, тестирования оборудования, аналогично проводимым исследованиям в зарубежных странах, здесь рассмотрим лишь некоторые аспекты.

Итак, при дистанционном участии в судебных слушаниях возникает четвертая сторона — посредник — информационная система, которая обеспечивает удаленную коммуникацию суда с участниками процесса. Предоставляя удобства сторонам в виде участия в судебном заседании из места нахождения стороны (дома, в офисе), ее использование не гарантирует качество передачи информации, сопровождается техническими неполадками в виде обрывов связи, ухудшения качества звука, изображения, задержками звука и т.д., что осложняет восприятие информации, исходящей как от сторон, так и от суда, искажает ее содержание. Такие ситуации требуют единообразного процессуального реагирования — объявления перерыва, отложения судебного разбирательства, надлежащей фиксации данных обстоятельств.

Следующий блок вопросов: возможно ли исследовать в рамках удаленного слушания иные доказательства, кроме объяснений сторон? Возможно ли обеспечить условия для допроса свидетелей и экспертов в условиях виртуального общения: как получить подписку от свидетеля о разъяснении прав и обязанностей и о предупреждении его об уголовной ответственности за дачу ложных показаний; как убедиться, что на свидетеля не оказывают давления и иного воздействия в помещении, откуда он дает показания, наконец, каким образом можно устанавливать личность свидетеля, эксперта при таком рассмотрении дела? Очевидно, что дистанционное участие не из специальных помещений суда (как при использовании ВКС) не обеспечивает получение достоверного судом знания о лице, которое выступает, не позволяет убедиться в том, что свидетель и эксперт излагают информацию свободно, без какого-либо воздействия на них. Возможно, использование таких доказательств в онлайн-судебном заседании следует допускать при наличии на это согласия сторон. Либо следует вводить правила, обеспечивающие присутствие контролирующего лица в месте нахождения свидетеля или эксперта.

Далее, как представлять для непосредственного исследования судьей письменные и вещественные доказательства? Очевидно, что классические правила здесь не работают. Необходимы специальные регламенты. Причем в них целесообразно

предусмотреть порядок представления и исследования этих доказательств в онлайн-судебном заседании в зависимости от наличия или отсутствия на это согласия сторон. Если стороны не возражают, доказательства могут быть продемонстрированы путем использования режима совместного просмотра. Если же у сторон или суда возникают сомнения в достоверности доказательства либо возникают трудности в исследовании, то письменные доказательства следует представлять в форме электронного документа или копии, заверенной электронной подписью нотариуса. Вещественные доказательства могут быть представлены посредством видеозаписи, выполненной самостоятельно стороной, или осмотрены в порядке обеспечения доказательств нотариусом или судом.

Таким образом, изучение первых результатов проведения удаленных слушаний свидетельствует о том, что применяемые технологии веб-конференций не вполне соответствуют принципу непосредственности. Однако следует согласиться с зарубежными коллегами в том, что не известно, как долго продлятся ограничения, связанные с пандемией, что применение технологий удаленного участия является привлекательным для участников процесса, поскольку влечет сокращение издержек на очное участие. В связи с этим становится насущным создание новых процессуальных правил, гарантирующих установление действительных обстоятельств дела и вынесение законного и обоснованного судебного решения по результатам дистанционного судебного разбирательства.

В качестве заключения можно отметить, что непродолжительный опыт проведения онлайн-заседаний не только в России, но и во всем мире поставил много задач перед законодателями и правоприменителями. Нельзя допустить ослабления гарантий принципов процесса. Следует продолжить поиск критериев, на основании которых можно будет решать, когда онлайн-заседания проводить целесообразно. Например, это может зависеть от сложности и значимости дела. Многие участники удаленных слушаний отмечали утомительность продолжительного участия в онлайн-конференции, отсутствие возможности длительно обеспечивать тишину в жилом помещении из-за активности членов семьи, домашних питомцев. В связи с этим, если разбор дела требует много времени, пристального внимания к деталям, его следует проводить в обычном формате. Желательно обеспечивать «живое» рассмотрение гражданских дел, требующих эмоциональной вовлеченности суда в разбор конфликта. Прежде всего это споры, возникающие из семейно-правовых отношений, регулирование которых большей частью осуществляется при помощи норм с относительно-определенной гипотезой, если споры затрагивают интересы детей, в особен-

ности требующие их личного участия в судебном заседании. Полагаем, к числу не рекомендованных к онлайн-формату дел нужно отнести также и трудовые споры, споры, связанные с возмещением вреда, причиненного здоровью и жизни, компенсацией морального вреда.

Расширение использования технологий удаленного участия в рассмотрении дел в суде требует пристального изучения, включая проведение мониторинга мнений судей, адвокатов и непрофессиональных участников судопроизводства.

Необходимо выяснить отношение судей относительно наличия особенностей восприятия доказательственной информации, коммуникации со сторонами, свидетелями, экспертами и т.д. Также важны мнения адвокатов и обычных людей, которые участвуют в судебных заседаниях находясь дома или на работе. Необходимо сформировать независимое и беспристрастное суждение о том, обеспечивают ли дистанционные технологии равные с очным присутствием в судебном заседании возможности по защите прав и интересов.

Литература

1. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. Москва : КомКнига, 2005. 172 с.
2. Кудрявцева Е.В. Внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство / Е.В. Кудрявцева // Закон. 2011. № 2. С. 51–56.
3. Медведев И.Р. Проблемы повышения достоверности объяснений сторон / И.Р. Медведев // Российская юстиция. 2006. № 8. С. 46–47.
4. Пономаренко В.А. Гражданский процесс как информационная система (содержательно-коммуникативный аспект) / В.А. Пономаренко // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 10. С. 3–8.
5. Резниченко И.М. Функциональные принципы гражданского процесса: Правовые и психологические аспекты : автореферат диссертации доктора юридических наук / И.М. Резниченко. Москва, 1989. 42 с.
6. Решетняк В.И. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве / В.И. Решетняк, Е.С. Смагина. Москва : Городец, 2017. 304 с.
7. Чалдини Р. Психология влияния / Р. Чалдини. 5-е изд. Москва : Питер, 2012. 294 с.

References

1. Vinokur T.G. Govoryaschiy i slushayuschiy: Varianty` rechevogo povedeniya [The Speaker and the Listener: Speech Behavior Options] / T.G. Vinokur. Moskva : KomKniga — Moscow : KomKniga, 2005. 172 s.
2. Kudryavtseva E.V. Vnedrenie informatsionny`kh tekhnologiy v grazhdanskoe sudoproizvodstvo [The Introduction of Information Technology in Civil Proceedings] / E.V. Kudryavtseva // Zakon — Law. 2011. № 2. S. 51–56.
3. Medvedev I.R. Problemy` pov`sheniya dostovernosti obyasnieniy storon [Issues of Raising the Reliability of Pleadings] / I.R. Medvedev // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2006. № 8. S. 46–47.
4. Ponomarenko V.A. Grazhdanskiy protsess kak informatsionnaya sistema (soderzhatelno-kommunikativny`y aspekt) [The Civil Procedure as an Information System (a Content and Communicative Aspect)] / V.A. Ponomarenko // Arbitrazhny`y i grazhdanskiy protsess — Arbitration and Civil Procedure. 2014. № 10. S. 3–8.
5. Reznichenko I.M. Funktsionalny`e printsipy` grazhdanskogo protsessa: Pravovy`e i psikhologicheskie aspekty` : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [Functional Principles of Civil Procedure: Legal and Psychological Aspects : author's abstract of thesis of LL.D.] / I.M. Reznichenko. Moskva — Moscow, 1989. 42 s.
6. Reshetnyak V.I. Informatsionny`e tekhnologii v grazhdanskom sudoproizvodstve [Information Technology in Civil Proceedings] / V.I. Reshetnyak, E.S. Smagina. Moskva : Gorodets — Moscow : Gorodets, 2017. 304 s.
7. Cialdini R. Psikhologiya vliyaniya [Influence: Science and Practice] / R. Cialdini. 5-e izd. Moskva : Piter — 5th edition. Moscow : Peter, 2012. 294 s.

State and Law: Legitimacy Establishment Conditions

Pligin Vladimir N., Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (ISL RAS), PhD (Law), theoryoflaw@igpran.ru

Purpose. The aim of this work is to study the forming of the legitimacy of a state and law as basic for the function of the social lift. **Methodology:** dialectics, analysis, synthesis, deduction, philosophical conceptology.

Results. The formation of legitimate States rights and characterized by an exceptional complexity, hence, the errors in the evaluation of its content and maintaining the basic principles can lead to the disintegration of public education. **Discussion.** The practical significance is that the results of this study can be used not only in further studies of this topic, but in concrete practical initiatives aimed at improving the procedures and practices that affect the legitimacy of the state and law.

Keywords: the state authority, legitimacy, president, the state, normativity.

Modern Lesson Conducting Forms, Learning Techniques and Methods Applied to Legal Discipline Teaching in a Higher School

Vasilyeva Oksana N., Senior Lecturer of the Department of Legal Regulation of Economic Operations of the Financial University under the Government of the Russian Federation, PhD (Law), Associate Professor, vasilyeva_on@mail.ru

Nadtochiy Yulia B., Senior Lecturer of the Department of Economics and Innovative Entrepreneurship of the MIREA – Russian Technological University, PhD in Pedagogy, Associate Professor, rector@mirea.ru

Purpose. The modern forms of conducting classes, techniques and teaching methods used in the teaching of legal disciplines in higher education are analyzed. Attention is paid to the training of modern lawyers – professionals in their field of activity, which implies a high level of quality in the organization of the educational process. The presented analysis is of great importance for increasing the effectiveness of the types of classes under consideration. **Methodology:** the article is based on a reasonable combination of general scientific and special scientific methods, as well as using such scientific methods as analysis and synthesis, induction and deduction.

Discussion. The educational process is, in fact, a two-way activity of its main participants: the teacher and the student, and on both participants in this process, on the organization of their joint activities it depends on how much this or that discipline will be mastered, what knowledge, skills and abilities student. **Scientific and practical significance.** Currently, it is noted that students, according to the observations of teachers, do not always want to think about the independent solution of the proposed tasks, therefore the methods, teaching methods and forms of classes that can be used in the study of legal disciplines described in the article will not only interest and make you think, but also consolidate the material covered. On the example of the discipline ‘Tax Law’ it is shown how it is possible to apply different forms of organization of training sessions, to use the methods and techniques of training in training specialists in the legal sphere of activity.

Keywords: teaching methods, training techniques, forms of training, legal disciplines, training of lawyers.

The Quest Use Practice in Criminalistic Discipline Teaching

Vorobyeva Irina B., Senior Lecturer of the Department of Criminalistics of the Saratov State Law Academy, PhD (Law), irinavorobyeva@yandex.ru

Purpose. Directing attention to the necessity of searching for new technologies and integrating those into the process of teaching students of a new generation. Quest actuality and efficiency as a business game variety for training is substantiated. Principal aspects of using quests in the process of teaching criminalistic subjects are revealed. **Methodology:** dialectic method, methods of analysis and synthesis, interviewing. **Discussion.** Quests have been shown to expand the teacher’s pedagogical potential and to supplement traditional ways of arranging the process of training and the methods of teaching. They allow to motivate into more intensive study of the subjects;

to activate intellectual processes; to exercises intelligence, erudition and nonconventional thinking; to find a way out of a problem situation; to demonstrate knowledge and skills in terms of the competences being formed; to actualize young people's passion for adventures and mysteries. It was this form of organizing the training process that proved to be the most optimal one for the nowadays students. **Scientific and practical significance.** Generalization of the author's experience in quest development and usage for teaching may prove to be of interest for teachers at higher educational establishments. Quests are peculiar for manifested practical orientation, that allows to solidify and to deepen the knowledge and skills of future lawyers in terms of the subjects matters. Actualization of the educational technology will allow to solve some problems faced by the present-day students while learning the subjects within the criminalistic cycle.

Keywords: legal education, educational technologies, criminalistics, student, quest, business game.

Legal Education in the Digital Economy Conditions: New Issues and Non-Standard Solutions

Kazachkova Zemfira M., Professor of the Department of Administrative and Financial Law of the All-Russian State University of Justice (ARSUJ (RLA of the Ministry of Justice of Russia)), LL.D., Professor, zem7900@yandex.ru

Kazachkov Vladimir A., Senior Lecturer of the Department of Economics and Finance of the Odintsovo Branch of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, PhD in Economics, kazachkov.stav@yandex.ru

The purpose of the article is to study the underlying causal relationships that make it necessary to update the paradigm of modern legal education. E-justice and artificial intelligence, new technologies for processing significant volumes of legal information, digital rights and taxation of services provided in electronic form – these and many other trends form a request for 'new wave' lawyers with knowledge, skills in the Legal Tech paradigm. In this context, the competency-based approach in modern legal education is justified taking into account new technological imperatives. **Methodology:** general scientific and special methods were used, including the dialectic method, methods of formal logic, including analysis, synthesis, induction, deduction; a systematic approach, comparative legal and comparative historical methods, as well as formal dogmatic, description and comparison. **Discussion.** The paradigm of legal education in the digital economy is a model that takes into account the inextricable link of law, the economy, new technologies, a new style of providing legal services. In this regard, the need for updating work programs, especially master's programs, for a more thorough study of the problems of intellectual property, antitrust regulation; law and biotechnology; legal aspects of genetic engineering; problems of legal support for the creation of biotechnological companies, including the principles and sources of initial financing, the regulatory environment. **The scientific significance** of the article consists in the conceptualization of the connection of new technological solutions in the digital economy and educational technologies, methods of forming new special courses that take into account the diversity of the relations of law, economics and technology. **The practical significance** of the article consists in the possibility of using the materials and conclusions for rebranding master's programs taking into account the needs of the legal services market, the results of monitoring the needs of employers, establishing strong links between universities and employers over a wide range of mutually beneficial cooperation.

Keywords: digital economy, digital rights, legal services market, professional competencies, selective courses, practical skills.

The Youth Extremism Combating Experience

Antonyan Elena A., Professor of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., Professor, antonyaa@yandex.ru

Milovanova Marina M., Senior Lecturer of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law), Associate Professor, milovanova_marina@mail.ru

Purpose. To analyze, taking into account international experience and the experience of individual states, counteraction to youth extremism, which demonstrates to us the inextricable link between state youth policy and national security, posed by life itself. The presented analysis is important for increasing the effectiveness of measures aimed at countering youth extremism. **Methodology:** the article is based on a reasonable combination of the general scientific dialectic method with legal positivism. Social relations and phenomena, and their interaction with scientific categories are considered in dialectical unity. The consideration of a separate document is based on comparative legal positivism. The work uses scientific methods of analysis and synthesis, induction and deduction.

Discussion. The studied international experience in the fight against youth extremism demonstrates that the measures taken in the countries in question are, for the most part, of a preventive nature. The international community emphasizes the importance of youth as a special category of citizens, carefully studying the causes and origins of extremist manifestations, violent radicalization. **Scientific and practical significance.** Recommendations aimed at developing basic concepts and adopting relevant documents in which these concepts should be reflected are suggested.

Keywords: youth, youth extremism, counteraction, radicalism, measures.

Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case: A Fresh View of Old Issues

Rossinskiy Sergey B., Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), LL.D., sergey@rossinskiy.ru

Purpose. A comprehensive doctrinal and legal analysis of the essence and designation of pre-trial proceedings (pre-trial investigation) as an 'investigative' stage of criminal procedure operations characteristic of the states included the civil (Romano-Germanic) law family. **Methodology:** dialectics, analysis, synthesis, historical and legal method, method of comparative legal studies, system research method. **Discussion.** 1) Pre-trial proceedings in general and pre-trial investigations, in particular, should be understood as an independent criminal proceedings stage performed in respect of criminal cases of public (private-public) prosecution and consisting in the operations of interrogation and pre-trial investigation authorities aimed at the securing of a possibility for the establishment of a subject of further judicial proceedings; 2) the main purpose of pre-trial proceedings (pre-trial investigation) is securing a possibility for building of a position of state prosecution (criminal law claim) as a subject of further judicial proceedings; 3) the basic tasks of pre-trial proceedings (pre-trial investigation) are: a) establishment of facts important for the criminal case; b) identification of persons having committed a crime and bringing them to criminal liability; c) creation of conditions for the possibility to enforce rights and legal interests of parties to criminal proceedings; d) creation of conditions for further review of the merits of a criminal case in a court hearing to secure a possibility to compensate for the damage caused by a crime, etc. **The carried-out research may be useful** for scientists, students, postgraduate students and junior scientific assistants, practitioners and everyone interested in the issues of criminal proceedings.

Keywords: Pre-trial proceedings, charge, pre-trial investigation, preliminary investigation, subject of judicial proceedings, criminal prosecution.

Remote Participation in Court Hearings on Civil Cases: First Results and Prospects

Samsonova Maria V., Senior Lecturer of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law), msamsonova@mail.ru

Chernykh Irina I., Senior Lecturer of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD (Law), ch6363@yandex.ru

Purpose. Restrictions imposed in the spring of 2020 on the work of courts and the daily life of citizens and organizations have been a catalyst for the active use of information technologies, including in legal proceedings. The article analyzes the first experience of Russian and foreign courts in conducting remote hearings of civil cases in order to determine the impact of the online trial format on the principles of oral and direct communication. **The methodological basis** of the research is based on proven scientific methods: comparative legal, systematic, logical, analysis and synthesis, and a new approach based on the Dialogic method of the Humanities, which implies an interdisciplinary dialogue between various fields of scientific knowledge – psychology, sociology, law. **Conclusions are drawn that** 1) guarantees of the principles of oral and direct communication in civil proceedings are weakened when conducting court proceedings online; 2) online court proceedings are acceptable as an alternative to the usual rules for the consideration and resolution of civil cases and are able to perform the tasks of legal proceedings in emergency situations; 3) additional regulation of procedural relations is necessary and the development of technological regulations that ensure compliance with the fundamental principles of civil procedure in remote proceedings. **Scientific and practical significance.** The conducted research allowed us to offer guidelines and criteria for taking into account when improving procedural legislation on conducting online court sessions, and also allows us to understand the universality of problems and needs of judicial protection of rights in civil proceedings on a global scale in unforeseen emergency situations.

Keywords: online justice, online court session, remote consideration of civil cases, the principle of verballity, the principle of directness, judicial communication, information technologies in civil proceedings.

Требования к авторам журнала «Юридическое образование и наука» по оформлению научных статей

Аннотация — от 1300 до 2000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).

Автор переводит название статьи и аннотацию на английский язык самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

На английский язык автор также переводит свои фамилию, имя и должность.

Статья

Полностью ФИО автора, указать должность, ученую степень и звание, электронную почту — обязательно.

Не менее 10 страниц через 1,5 интервала (без учета аннотации), не более 20 страниц.

27 000 – 37 000 знаков с аннотацией, не более 20 страниц.

Не менее 3 ссылок, не более 9, исходя из текста статьи в 10 страниц. (Если статья больше 10 страниц, количество ссылок может быть увеличено.)

Ссылки и список литературы — в конце. Только монографии, научные статьи. В ссылках и списке литературы не указывать учебники и газетные публикации.

Важно: оформление постраничных ссылок — см. ниже.

Ссылки и список литературы даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации — только в постраничные сноски.

ВАЖНО. Если статья является продолжением другой статьи автора по той же проблематике, автор обязан указать об этом в самом начале работы с приведением выходных данных об уже опубликованных статьях, в том числе в каких журналах и сборниках они выходили, а также насколько представленная статья является оригинальной по сравнению с предыдущими статьями.

НАПРИМЕР. Статья посвящена проблеме, которую автор изучает на протяжении ряда лет, и по этой проблеме автором опубликованы статьи, которые вышли в следующих журналах.

Библиография

В библиографический список включается только использованная литература в узком смысле этого слова (книги, статьи и т.п.). Нормативные акты или их проекты, а также договоры, судебные решения, стенограммы и иные подобные материалы в библиографический список не включаются. Редакция оставляет за собой право на удаление этих материалов из списка литературы.

Рецензирование

Все статьи подлежат обязательному рецензированию. Устранение замечаний рецензента является личной ответственностью автора. Автор может обратиться к главному редактору с обоснованными доводами о несогласии с отрицательным мнением рецензента.

Вторая отрицательная рецензия автоматически ведет к выводу о невозможности публикации статьи в журнале.

*С пожеланиями творческих успехов и поиска научной истины,
почетный научный редактор журнала «Юридическое образование и наука»
Игорь Михайлович Мацкевич*